

УДК 1(091):17:165.323

**АБСОЛЮТНАЯ ЦЕННОСТЬ
В «ОСНОВОПОЛОЖЕНИИ
К МЕТАФИЗИКЕ ПРАВОВ» КАНТА**

Р. Поркедду¹

Во втором разделе «Основоположения к метафизике нравов» Кант вводит понятие цели самой по себе и определяет ее как нечто, чье существование имеет абсолютную ценность. Далее он утверждает, что цель сама по себе является единственным основанием возможного категорического императива. В своих рассуждениях о царстве целей Кант также использует понятия цели самой по себе и абсолютной ценности, но как будто бы в ином смысле: рациональное существо оказывается целью самой по себе благодаря своим реальным моральным волею и действию, предполагающим действительность категорического императива. Основное различие в употреблении понятий абсолютной ценности и цели самой по себе заключается в том, что в первом случае они оба служат условием действительности категорического императива, в то время как во фрагментах о царстве целей они предстают следствием его действительности. Таким образом, употребление Кантом обоих терминов на первый взгляд кажется непоследовательным. Моя цель – продемонстрировать, что предположение о наличии подобной непоследовательности основано на заблуждении относительно внутренней структуры цели самой по себе, а не на реальной проблеме в аргументации Канта. В настоящем исследовании предпринята попытка разрешить предполагаемую проблему непоследовательности, представив более адекватное понимание внутренней структуры цели самой по себе.

Ключевые слова: Кант, этика, категорический императив, «Основоположение к метафизике нравов», достоинство, цель сама по себе, царство целей, ценность.

Как известно, в своем «Основоположении к метафизике нравов» Кант разрабатывает несколько формул категорического императива. Одна из них —

¹ Университет Зигена, 57068, Германия, Зиген, Адольф-Райхвейн штрассе, д. 2. Поступила в редакцию: 17.08.2019 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-1-1
© Поркедду Р., 2020.

**ABSOLUTER WERT IN KANTS
GRUNDLEGUNG ZUR METAPHYSIK
DER SITTEN**

R. Porcheddu¹

In the second section of the Groundwork for the Metaphysics of Morals, Kant introduces the concept of an end in itself and defines it as something whose existence has an absolute value. He continues with the assertion that the ground of a possible categorical imperative lies solely in this end in itself. Now Kant, in his remarks on the realm of ends, also operates with the notions of an end in itself and absolute value — seemingly in a different way, however. Thus, in the remarks on the realm of ends, the rational being becomes an end in itself through its real moral willing and acting, both of which presuppose the validity of the categorical imperative. Basically, the difference in the ways of using the concepts of absolute value and an end in itself consists in the fact that in the first case both serve as precondition for the categorical imperative's validity, whereas in the passages concerning the realm of ends both are a consequence of its validity. At first glance we therefore must register an inconsistent use of both terms. In what follows, I aim to show that the assumption of such a putative inconsistency expresses a misleading understanding of the internal structure of the end in itself rather than a real problem in Kant's way of arguing. The present study tries to solve this supposed problem of inconsistency by sketching a more appropriate understanding of the internal structure of the end in itself.

Keywords: Kant, ethics, categorical imperative, Groundwork for the Metaphysics of Morals, dignity, end in itself, realm of ends, value.

Bekanntlich entwickelt Kant in seiner *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten* mehrere Formeln des kategorischen Imperativs. Eine dieser Formeln ist

¹ University of Siegen, 2 Adolf-Reichwein-Straße, Siegen, 57068, Germany.
Received: 17.08.2019.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-1-1
© Porcheddu R., 2020.

определение человечества как цели самой по себе². Известно также, что аргументация, подводящая к этой формуле, исходит из мысли, согласно которой действительность категорического императива имеет своим основанием нечто, обладающее абсолютной ценностью, а именно цель сама по себе. Исходный аргумент сформулирован так: «Но положим, что существует нечто, *чьё бытие само по себе* имеет абсолютную ценность, что, как *цель сама по себе*, могло бы быть основанием определенных законов; тогда в этой цели и только в ней одной могло бы заключаться основание возможного категорического императива, т.е. практического закона» (AA 04, S. 428; Кант, 1997а, с. 165)³. Однако при дальнейшем знакомстве со вторым разделом «Основоположения...» внимательный читатель оказывается сбит с толку относительно понятий цели самой по себе и абсолютной ценности⁴. В своих рассуждениях о царстве целей Кант вновь обращается к ним, но употребляет их существенно иначе по сравнению со вступительной частью, посвященной цели самой по себе и ее определению. Царство целей, по Канту, есть общий порядок разумных существ. В этом порядке каждое разумное существо выступает адресатом общих законов, но в то же время и законодателем. В свою очередь, законодательство в царстве целей есть не что иное, как моральность или, точнее, моральная автономия. Как мы увидим далее, особенность разумного существа как законодателя также состоит в том, что оно есть цель сама по себе. При этом царство целей, с точки зрения Канта, действительно может быть реализовано посредством морального воления и действия. Поэтому особенность разумного существа, заключающаяся в том, чтобы в качестве законодателя в царстве целей быть целью самой по себе, также подлежит реализации и является тем самым *следствием* действительности морального принципа, которому подчинены воление и действие.

In nuce различие между употреблением понятий абсолютной ценности и цели самой по себе состоит в том, что во фрагментах, посвященных царству целей, абсолютная ценность и целесообразность сама по себе являются *следствием* морального действия, в то время как в более ранней части обе служат ос-

² Вот эта формула: «*Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели*» (AA 04, S. 429; Кант, 1997а, с. 169).

³ О понятии цели у Канта см. статью В. Ойлера (Euler, 2015, S. 2745–2753); о понятии «цель сама по себе» см. статью Ойлера и Р. Поркедду (Euler, Porcheddu, 2015, S. 2753–2755).

⁴ См. «Переход от популярной нравственной философии к метафизике» (AA 04, S. 406–446; Кант, 1997а, с. 99–219).

die Formel der Menschheit als Zweck an sich selbst.² Ebenso bekannt dürfte sein, dass der Argumentationsgang, der zu dieser Formel hinführt, von dem Gedanken ausgeht, dass die Geltung des kategorischen Imperativs ihren Grund in etwas von absolutem Wert hat – dem Zweck an sich selbst. So heißt es zu Anfang des Argumentationsgangs: „Gesetzt aber, es gäbe etwas, *dessen Dasein an sich selbst* einen absoluten Werth hat, was als *Zweck an sich selbst* ein Grund bestimmter Gesetze sein könnte, so würde in ihm und nur in ihm allein der Grund eines möglichen kategorischen Imperativs, d. i. praktischen Gesetzes, liegen“ (GMS, AA 04, S. 428₀₃₋₀₆).³ Im Zusammenhang mit den Begriffen des Zwecks an sich selbst und eines absoluten Werts stößt man bei aufmerksamer Lektüre des zweiten Abschnitts der *Grundlegung* allerdings auf etwas Irritierendes.⁴ So operiert Kant in den Ausführungen zum Reich der Zwecke im zweiten Abschnitt mit Begriffen absoluten Werts und des Zwecks an sich selbst, die prima facie eine entscheidende Differenz zu der Art und Weise aufweisen, wie sie in der Einführungspassage zum Zweck an sich selbst und der Selbstzweckformel gebraucht werden. So ist das Reich der Zwecke ist eine gemeinschaftliche Ordnung vernünftiger Wesen. In dieser Ordnung ist jedes vernünftige Wesen Adressat der gemeinschaftlichen Gesetze, zugleich aber auch Gesetzgeber. Die Gesetzgebung im Reich der Zwecke ist nun nichts anderes als Moralität oder genauer moralische Autonomie. Wie wir sehen werden, kommt dem vernünftigen Wesen als diesem Gesetzgeber zugleich die Eigenschaft zu, ein Zweck an sich selbst zu sein. Nun ist das Reich der Zwecke in der Sicht Kants etwas, das durch moralisches Wollen und Handeln tatsächlich realisierbar ist. Folglich ist die Eigenschaft des vernünftigen Wesens, als ein Gesetzgeber im Reich der Zwecke ein Zweck an sich selbst zu sein, ebenfalls etwas zu Realisierendes und damit *Folge* der Geltung des moralischen Prinzips, nach dem gewollt und gehandelt wird.

² Die Formel lautet: „*Handle so, daß du die Menschheit sowohl in deiner Person, als in der Person eines jeden andern jederzeit zugleich als Zweck, niemals bloß als Mittel brauchst*“ (GMS, AA 04, S. 429₁₀₋₁₃).

³ Vgl. Euler (2015, S. 2745-2753) zum Begriff „Zweck“ bei Kant; Euler und Porcheddu (2015, S. 2753-2755) zum Begriff „Zweck an sich“.

⁴ „Übergang von der populären sittlichen Weltweisheit zur Metaphysik der Sitten“ (GMS, AA 04, S. 406-446). Die *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten* wird im Folgenden abkürzend auch GMS oder *Grundlegung* genannt. Die hinter der Bezeichnung „GMS“ stehende römische Ziffer bezeichnen den jeweiligen Abschnitt der Schrift.

нованием значимости категорического императива и, соответственно, условием возможности настоящих моральных действий. Из-за этого при детальном чтении возникает подозрение, что Кант непоследовательно употребляет понятия абсолютной ценности и цели самой по себе во втором разделе своей работы. В дальнейшем мы будем называть это подозрение проблемой непоследовательности, или подозрением в непоследовательности.

Настоящая статья преследует три основные цели. Во-первых, нужно как можно более точно описать суть подозрения в непоследовательности. Во-вторых, необходимо совершить первые шаги на пути к решению проблемы непоследовательности. В-третьих, мы назовем центральные предпосылки намеченного решения и приведем аргументы в его пользу. В связи с этим исследование будет разделено на две части. В *первой* из них речь пойдет о проблеме непоследовательности и ее возможном решении. Для этого сначала будут подробно рассмотрены несколько мест в работе Канта, посвященных достоинству в царстве целей. Затем, опираясь на еще один фрагмент, посвященный царству целей, и на размышления Канта о внутренней логической структуре цели самой по себе, необходимо, во-первых, сформулировать дополнительные центральные вопросы относительно функции абсолютной ценности в царстве целей и, во-вторых, совершить решающий шаг на пути к преодолению проблемы непоследовательности. Во *второй части* статьи отдельно обсуждаются некоторые центральные предпосылки предлагаемого решения проблемы непоследовательности. Таким образом, будет, во-первых, показано, что место в тексте «Основоположения...», которое, на первый взгляд, служит явным свидетельством против предлагаемой в статье интерпретации внутренней структуры, при ближайшем рассмотрении таковым *не* является. Во-вторых, будут сформулированы аргументы в пользу отождествления цели самой по себе с чистым практическим разумом. Нам поможет в этом более внимательное рассмотрение вводной части второго раздела «Основоположения...». Согласно *третьему* и последнему тезису, подлежащему обоснованию, содержание практического закона и, следовательно, того, что требует категорический императив, состоит не в чем ином, как в чистой практической рациональности. Это значит, что тот, кто следует категорическому императиву, действует исходя из и ради представления о чистой разумности своего действия и воления. Иными словами, этот чистый разум действия есть цель

In nuce besteht die Differenzen der Verwendungsweisen der Begriffe absoluten Werts und des Zwecks an sich selbst also darin, das in den Passagen zum Reich der Zwecke absoluter Wert und Zweckhaftigkeit an sich *Folge* moralischen Handelns sind, wohingegen im ersten Fall beide den *Grund* der Geltung des kategorischen Imperativs darstellen und damit eine Bedingung der Möglichkeit echter moralischer Handlungen sind. Bei gründlicher Lektüre stellt sich somit der Verdacht ein, Kant gebrauche die Konzepte eines absoluten Werts und Zwecks an sich selbst im zweiten Abschnitt der Schrift auf inkonsistente Weise. Wir wollen diesen Verdacht im Folgenden das Inkonsistenzproblem bzw. den Inkonsistenzverdacht nennen.

Der vorliegende Beitrag verfolgt drei zentrale Ziele: Erstens soll der Inkonsistenzverdacht möglichst präzise dargestellt werden. Zweitens sollen erste Schritte einer Lösung des Inkonsistenzproblems entwickelt werden. Drittens werden wir die zentralen Voraussetzungen des angebahnten Lösungsvorschlags nennen und für ihre Plausibilität argumentieren. Zu diesem Zweck wird die Untersuchung in zwei Teile gegliedert. Der *erste Teil* behandelt das Inkonsistenzproblem und eine mögliche Lösung. Das geschieht zunächst durch einen genaueren Blick auf einige Passagen zur Würde im Reich der Zwecke. Dann soll mit Bezug auf eine weitere Passage zum Reich der Zwecke und anhand von Überlegungen zur internen logischen Struktur des Zwecks an sich selbst zweierlei erreicht werden: Erstens ergeben sich weitere zentrale Fragen zur Funktion eines absoluten Werts im Reich der Zwecke, zweitens soll der entscheidende Schritt zur Überwindung des Inkonsistenzproblems vollzogen werden. Der *zweite Teil* thematisiert exemplarisch einige zentrale Voraussetzungen der angebotenen Lösung des Inkonsistenzproblems. So wird *erstens* gezeigt, dass eine Stelle, die *prima facie* recht deutlich gegen die im Folgenden präsentierte Interpretation der internen Struktur des Zwecks an sich selbst spricht, dies näher besehen *nicht* tut. *Zweitens* werden Argumente für eine Identität des Zwecks an sich selbst mit der reinen praktischen Vernunft entwickelt. Dies geschieht durch einen näheren Blick auf die Einführungspassage zum Zweck an sich selbst in *GMS II*. Die dritte und letzte exemplarisch zu plausibilisierende These besagt, dass der Gehalt des praktischen Gesetzes und damit das, was der kategorische Imperativ fordert, in nichts anderem besteht als in reiner praktischer Rationalität. Das besagt: Wer dem kategorischen Imperativ

сама по себе, а ее абсолютная ценность обосновывает действенность категорического императива, в свою очередь требующего действий, реализующих чистый практический разум. Этот тезис мы поясним и обоснуем с помощью отсылок к пассажирам из третьего раздела «Основоположения...» и «Аналитики...» в «Критике чистого разума», а также дальнейших систематических размышлений⁵.

1. Проблема непоследовательности и ее решение

Подозрение в непоследовательности

Противопоставив друг другу понятия цены и достоинства в царстве целей и определив достоинство как то, «что выше всякой цены и, следовательно, не допускает никакого эквивалента» (AA 04, S. 434; Кант, 1997а, с. 187), Кант пишет далее (W1): «...то, что составляет условие, при котором единственно возможно, чтобы нечто было целью самой по себе, имеет не просто относительную ценность, т.е. цену, но внутреннюю ценность, т.е. *достоинство*» (AA 04, S. 434–435; Кант, 1997а, с. 187). В W1 читателя смущает, что достоинство, или абсолютная ценность, должно быть присуще условию цели самой по себе, хотя ранее, впервые вводя это понятие, Кант приписывает абсолютную ценность цели самой по себе⁶. Если цели самой по себе уже присуща абсолютная ценность, кажется не слишком логичным подчинять ее условию, обладающему абсолютной ценностью. Ощущение нелогичности и даже непо-

⁵ В ходе дальнейших рассуждений станет видно, что во многих случаях я соглашаюсь с Д. Шёнекером и Э.Э. Шмидт — в частности, в том, что Кант проводит близкую параллель между эмпирическим и моральным волением и что введение понятия цели самой по себе становится понятным только с учетом этих обстоятельств (см.: Schönecker, Schmidt, 2018, S. 90). Оба автора тоже видят в чистом практическом разуме, или ноуменально доброй воле, цель саму по себе, которая, с одной стороны, автономна, а с другой — в отношении чувственно-разумной воли должна мыслиться как способность к автономии (Ibid., S. 84–85). Но и сформулированный схожим образом тезис, согласно которому целесообразность сама по себе и абсолютная ценность у Канта учитываются как бы на двух уровнях — как основание действенности категорического императива и как то, что реализуется посредством реального морального воления и действия, — обнаруживается уже в их «двухурвневой модели» (Ibid., S. 86–88).

⁶ Еще раз процитирую соответствующее ключевое место у Канта: «Но положим, что существует нечто, чье бытие само по себе имеет абсолютную ценность, что, как цель сама по себе, могло бы быть основанием определенных законов; тогда в этой цели и только в ней одной могло бы заключаться основание возможного категорического императива, т.е. практического закона» (AA 04, S. 429; Кант, 1997а, с. 165).

folgt, handelt aus und um willen der Vorstellung der reinen Vernünftigkeit seines Handelns und Wollens. Das heißt, diese reine Vernunft des Handelns ist der Zweck an sich selbst, ihr absoluter Wert begründet die Geltung des kategorischen Imperativs, welcher wiederum Handlungen fordert, die reine praktische Vernunft wiederum realisieren. Diese These wollen wir durch textuelle Indizien aus dem dritten Abschnitt der *Grundlegung* und der „Analytik“ der *Kritik der praktischen Vernunft* sowie durch weitere systematische Überlegungen explizieren und begründen.⁵

I. Das Inkonsistenzproblem und seine Lösung

Der Inkonsistenzverdacht

Nachdem Kant die Begriffe des Preises und der Würde im Reich der Zwecke gegenübergestellt und Würde als dasjenige im Reich der Zwecke definiert hat, „was [...] über allen Preis erhaben ist, mithin kein Äquivalent verstattet“ (GMS, AA 04, S. 434₃₃₋₃₄), schreibt er weiter: „[W1] Was [...] die Bedingung ausmacht, unter der allein etwas Zweck an sich selbst sein kann, hat nicht bloß einen relativen Werth, d. i. einen Preis, sondern einen innern Werth, d. i. *Würde*“ (GMS, AA 04, S. 434₃₅-435₀₄). Irritierend an W1 ist, dass Würde bzw. absoluter Wert der *Bedingung* des Zwecks an sich selbst zukommen soll, obwohl Kant bereits dem Zweck an sich selbst in der Einführung des Begriffs absoluten Wert zugesprochen hat.⁶ Kommt also schon dem Zweck an sich selbst absoluter Wert zu, erscheint es wenig plausibel, ihm sei-

⁵ Die folgenden Ausführungen werden zeigen, dass ich in vielen Punkten mit Dieter Schönecker und Elke Elisabeth Schmidt übereinstimme — so z. B. darin, dass Kant eine enge Parallele zwischen empirischem und moralischem Wollen zieht und die Einführung des Zwecks an sich selbst nur vor diesem Hintergrund verständlich ist (vgl. Schönecker und Schmidt, 2018, S. 90). Beide Autoren sehen ebenfalls in der reinen praktischen Vernunft bzw. dem noumenalen guten Willen den Zweck an sich selbst, der einerseits selbst autonom ist, der andererseits — in Hinsicht auf den sinnlich-vernünftigen Willen — als *Vermögen* zur Autonomie gedacht werden muss (Ibid., S. 84-85). Auch die These, dass Zweckhaftigkeit an sich und absoluter Wert von Kant gleichsam auf zwei Ebenen in Ansatz gebracht wird — als Geltungsgrund des kategorischen Imperativs und realisiert durch tatsächliches moralisches Wollen und Handeln —, findet sich in ihrem „two-level-model“ bereits auf ähnliche Weise formuliert (Ibid., S. 86-88).

⁶ Der entscheidende Passus sei nochmals zitiert: „Gesetzt aber, es gäbe etwas, dessen Dasein an sich selbst einen absoluten Werth hat, was als *Zweck an sich selbst* ein Grund bestimmter Gesetze sein könnte, so würde in ihm und nur in ihm allein der Grund eines möglichen kategorischen Imperativs, d. i. praktischen Gesetzes, liegen“ (GMS, AA 04, S. 429₁₀₋₁₃).

следовательности усиливается при взгляде на другое место в тексте «Основоположения...» (W2): «Моральность же и есть условие, при котором разумное существо только и может быть целью самой по себе, так как только посредством нее можно быть законодательствующим членом в царстве целей» (AA 04, S. 435; Кант, 1997а, с. 187).

Моральность названа условием уже в W1. Тем самым, согласно W2, она становится условием особенности разумного существа быть целью самой по себе, поскольку разумное существо получает эту особенность вследствие своей функции законодателя в царстве целей. Законодательство в царстве целей есть автономия, то есть моральность. Поскольку, с точки зрения Канта, царство целей представляет собой действительно *реализуемый* — посредством морального воления и действия⁷ — порядок, законодательство разумного существа в царстве целей тоже должно быть *реализуемым*. То же относится и к его свойству быть целью самой по себе.

В данном случае целесообразность сама по себе связана с действительным законодательством в царстве целей. Если сопоставить сделанное открытие с особенностями цели самой по себе, упомянутыми во вводном пассаже, посвященном этому понятию (см.: AA 04, S. 428; Кант, 1997а, с. 165), неизбежно возникает впечатление, что Кант попадает в порочный круг: цель сама по себе обосновывает действительность морального принципа, в то время как последняя, в качестве условия возможности реального морального действия, обосновывает целесообразность саму по себе. Следующее за W2 предложение (W3) усиливает впечатление ущербности и даже кругового характера аргументации, непозволительного для кантовского доказательства: «Таким образом, нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, есть то, что одно только и имеет достоинство» (AA 04, S. 435; Кант, 1997а, с. 187). Поскольку «человечество... способно» к нравственности, оно представляет собой не что иное, как разумную природу человека и тем самым цель саму по себе. Как мы видели, Кант приписывает нравственности (моральности) достоинство, поскольку она служит предпосылкой для целесообразности самой по себе. Таким образом, в W3 Кант, очевидно, утверждает, что цель сама по себе обладает достоинством, поскольку является условием действительности морального принципа и, следовательно, в ка-

⁷ Ср.: «Такое царство целей осуществилось бы на самом деле через посредство максим, правило которых предписывает всем разумным существам категорический императив, если бы максима этим следовали всеобщим образом» (AA 04, S. 438; Кант, 1997а, с. 199).

нерсеитs eine Bedingung mit absolutem Wert vorzuordnen. Der Eindruck mangelnder Plausibilität wenn nicht direkter Inkonsistenz wird durch W2 verstärkt: „[W2] Nun ist Moralität die Bedingung, unter der allein ein vernünftiges Wesen Zweck an sich selbst sein kann, weil nur durch sie es möglich ist, ein gesetzgebend Glied im Reiche der Zwecke zu sein“ (GMS, AA 04, S. 435₀₅₋₀₇).

Moralität ist also die bereits in W1 genannte Bedingung. Sie ist nach W2 deswegen die Bedingung der Eigenschaft des vernünftigen Wesens, Zweck an sich selbst zu sein, weil das vernünftige Wesen diese Eigenschaft zufolge seiner Funktion erhält, Gesetzgeber im Reich der Zwecke zu sein. Die Gesetzgebung im Reich der Zwecke ist nämlich Autonomie, also Moralität. Da das Reich der Zwecke in Kants Sicht eine tatsächlich *realisierbare* Ordnung ist — und zwar durch moralisches Wollen und Handeln⁷ —, muss folglich auch die Gesetzgebung des vernünftigen Wesens im Reich der Zwecke *realisiert* werden. Das gilt dann auch für seine Eigenschaft, als Gesetzgeber ein Zweck an sich selbst zu sein.

Zweckhaftigkeit an sich ist hier also an die tatsächliche Gesetzgebung im Reich der Zwecke gebunden. Vergleicht man diesen Befund mit den Eigenschaften des Zwecks an sich selbst in der Einführungspassage zu seinem Begriff (Vgl. GMS, AA 04, S. 428₀₃₋₀₆), scheint man nicht umhin zu kommen, Kant hier einen vitiösen Zirkel zu attestieren: Einmal begründet der Zweck an sich selbst die Geltung des moralischen Prinzips, dann begründet die Geltung des moralischen Prinzips, als Bedingung der Möglichkeit realen moralischen Handelns, Zweckhaftigkeit an sich. Auch der nächste Satz (W3) bestätigt den Eindruck mangelnder Plausibilität, wenn nicht unzulässiger Zirkularität: „[W3] Also ist Sittlichkeit und die Menschheit, so fern sie derselben fähig ist, dasjenige, was allein Würde hat“ (GMS, AA 04, S. 435₀₇₋₀₉). „Menschheit, so fern sie derselben“, also der Moralität, „fähig ist,“ stellt nichts anderes als die vernünftige Natur des Menschen und damit den Zweck an sich selbst dar. Wie gesehen, kommt Sittlichkeit (Moralität) Würde zu, weil sie eine Voraussetzung für die Zweckhaftigkeit an sich bildet. Damit behauptet Kant in W3 offenbar, dass der Zweck an sich selbst Würde

⁷ Vgl.: „Ein solches Reich der Zwecke würde nun durch Maximen, deren Regel der kategorische Imperativ allen vernünftigen Wesen vorschreibt, wirklich zu Stande kommen, wenn sie allgemein befolgt würden“ (GMS, AA 04, S. 438₂₉₋₃₂).

честве предпосылки моральности — предпосылкой цели самой по себе. Иными словами, цель сама по себе оказывается предпосылкой самой себя!

Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что во фрагментах W1–W3 содержатся следующие проблематичные или, по крайней мере, остро нуждающиеся в разъяснениях высказывания:

(i) Не только цель сама по себе, но и ее условие, моральность, обладают *абсолютной* ценностью. В данном случае требуется пояснить, в каком отношении ценность цели находится к ценности моральности и каким образом из этого отношения вытекает абсолютная ценность *обеих* — несмотря на то что Кант ставит их в причинно-следственную зависимость друг от друга.

(ii) Цель сама по себе есть условие действительности морального принципа и тем самым моральности, однако в то же время моральность является условием цели самой по себе. Очевидно, что это высказывание напоминает порочный круг. Нам нужно выяснить, возможна ли иная интерпретация этого обоюдного отношения.

(iii) Цель сама по себе является условием самой себя. На первый взгляд здесь также возникает порочный круг, и нам нужно понять, возможен ли выход из него.

Высказываемое в связи с указанными фрагментами подозрение в непоследовательности или круговом характере кантовской аргументации можно будет устранить лишь тогда, когда мы обратимся к еще одному месту, посвященному достоинству в царстве целей.

Абсолютная ценность законодательства воли

В следующем обсуждаемом нами фрагменте (W4) Кант устанавливает связь между автономией воли, абсолютной ценностью и практическим законом, или категорическим императивом. В кантоведении это место вызывает серьезные дискуссии⁸.

⁸ В частности, О. Зензен в своей работе «Кантовская концепция внутренней ценности» замечает, что «кантоведение высказывается не очень ясно о том, что именно представляет собой ценность, на которой основана моральная философия Канта...» (Sensen, 2011, p. 2–3). Впрочем, самого Зензена можно, в свою очередь, упрекнуть в отсутствии четкой альтернативы: его кандидаты на роль общего понятия ценности в кантовском смысле на деле являются скорее несамостоятельными определениями ценности или полагания ценности: «Одно из возможных определений состоит в том, что ценность в качестве неотъемлемого свойства объекта объективна, то есть является свойством, которое принадлежит объекту даже в том случае, если он является единственным существующим объектом... Если она [ценность]

hat, weil er als Geltungsbedingung des moralischen Prinzips und folglich als Voraussetzung von Moralität ebenfalls Voraussetzung des Zwecks an sich selbst ist. Das heißt aber, der Zweck an sich selbst ist seine eigene Bedingung!

W1-W3 formulieren und implizieren zusammengefasst die folgenden problematischen oder zumindest in hohem Maße erklärungsbedürftigen Aussagen:

(i) Sowohl dem Zweck an sich selbst als auch seiner Bedingung, der Moralität, kommt *absoluter* Wert zu. Erklärungsbedürftig ist hier, wie sich die Wert-eigenschaft des Zwecks an sich selbst zu derjenigen der Moralität verhält und wie sich aus diesem Verhältnis der absolute Wert *beider* ergibt, obschon Kant sie in ein Grund-Folge-Verhältnis bringt.

(ii) Der Zweck an sich selbst ist Bedingung der Geltung des moralischen Prinzips und damit der Moralität, zugleich ist Moralität aber auch die Bedingung des Zwecks an sich selbst. Es liegt auf der Hand, dass diese Aussage zunächst in einem vitiösen Sinne als zirkulär gelten muss. Es wird sich zeigen müssen, ob eine nicht vitiöse Lesart dieses wechselseitigen Bedingungsverhältnisses möglich ist.

(iii) Der Zweck an sich selbst ist seine eigene Bedingung. Auch hier muss zunächst ein vitiöser Zirkel konstatiert werden und man muss sehen, ob ein Ausweg aus diesem beschrieben werden kann.

Der sich in diesem Befund äußernde Inkonsistenz- oder Zirkelverdacht ist nur auszuräumen, indem wir uns einer weiteren Passage zur Würde im Reich der Zwecke zuwenden.

Der absolute Wert der Gesetzgebung des Willens

In der im Folgenden zur Diskussion stehenden Passage stellt Kant einen in der Forschung kontrovers diskutierten Zusammenhang zwischen der Autonomie des Willens, absolutem Wert und dem praktischen Gesetz bzw. kategorischen Imperativ her.⁸ Ein

⁸ So erhebt Oliver Sensen in seinem Aufsatz „Kant’s Conception of Inner Value“ den Vorwurf: „Kant literature is not very explicit about what kind of entity the value that grounds Kant’s moral philosophy is supposed to be [...]“ (Sensen, 2011, p. 263). Sensen muss sich allerdings selbst den Vorwurf gefallen lassen, seinerseits keinen deutlich bestimmten des Wertbegriff zu liefern, denn seine Kandidaten für einen allgemeinen Wertbegriff im Sinne Kants sind eigentlich keine Definitionen, sondern vielmehr subalterne Bestimmungen von Wert bzw. Wertsetzung: „One option is that this value is objective in the sense of being a property an object possesses inherently i.e. a property that would belong to the

Тем не менее его адекватное понимание дает нам ключ к преодолению описанной выше проблемы непоследовательности. Кант пишет (W4): «Ибо все имеет только ту ценность, какую определяет закон. Само же законодательство, которое определяет всякую ценность, именно поэтому должно обладать достоинством, т.е. безусловной, несравнимой ценностью. <...> Автономия есть, таким образом, основание достоинства человеческой и всякой разумной природы» (AA 04, S. 436; Кант, 1997а, с. 191).

Понимание контекста и внутренней структуры этих трех предложений, а также их отношения друг к другу представляет собой совсем не легкую задачу. Мы не будем углубляться в детальный анализ, а приблизимся к основной идее фрагмента как бы извне, задав себе следующий вопрос: как должно быть устроено законодательство воли, чтобы можно было сказать, что оно обладает абсолютной ценностью постольку, поскольку определяет всякую ценность произведенных им законов? Иными словами, при каких условиях из свойства закона определять любую ценность вытекала бы абсолютная ценность лежащего в его основе законодательства? Для прояснения этого вопроса следует вкратце напомнить о систематических основаниях введения принципа автономии во втором разделе «Основоположения». Кант вводит этот принцип в следующем предложении (A1): «Дело в том, что основание всякого практического законодательства объективно лежит в *правиле* и форме всеобщности, которая... придает ему способность быть законом (правда, законом природы), субъективно же — в... цел[и] сам[ой] по себе...; отсюда следует... идея воли каждого разумного существа как всеобщей законодательной воли» (AA 04, S. 431; Кант, 1997а, с. 175).

В предложении, предшествующем A1, Кант сводит независимость категорического императива

не является свойством, которым обладает изолированный объект... она может быть отношением между объектами. Главным примером могут служить инструментальные отношения. В частности, еда ценна для живых существ благодаря ее инструментальной роли в поддержании жизни... этих существ. ...Быть может, ценность — всего лишь то, что ценят люди. В таком случае она не изолированное свойство, но субъективное предпочтение или желание. ...Наконец, ценностью может быть не описание того, что ценит то или иное существо, но предписание того, что оно должно ценить» (Ibid.). Все эти определения не отвечают на вопрос, что такое ценность вообще. Является ли ценность конституирующей особенностью отношения вещей, следует ли понимать ее релятивно или определенная ценность должна приписываться (а это приписывание, в свою очередь, происходит благодаря некой ценности) — все это ничего не говорит о том, что именно мы имеем в виду, когда употребляем понятие «ценность».

angemessenes Verständnis dieser Stelle gibt jedoch den Schlüssel zur Überwindung der oben herausgearbeiteten drohenden Inkonsistenzen an die Hand. Der Passus (W4) lautet: „Denn es hat nichts einen Werth als den, welchen ihm das Gesetz bestimmt. Die Gesetzgebung selbst aber, die allen Werth bestimmt, muß eben darum eine Würde, d. i. unbedingten, unvergleichbaren Werth haben [...]. *Autonomie* ist also der Grund der Würde der menschlichen und jeder vernünftigen Natur“ (GMS, AA 04, S. 436₀₁₋₀₇).

Diese drei Sätze sind in Bezug auf ihren Kontext, ihre interne Struktur und ihr Verhältnis zueinander alles andere als leicht zu verstehen. Wir wollen an dieser Stelle auch nicht in eine mikroskopische Analyse einsteigen, sondern uns dem zugrundeliegenden Gedanken dieser Passage gleichsam von außen nähern, indem wir fragen: Wie müsste die Gesetzgebung des Willens beschaffen sein, damit man sagen könnte, sie habe deswegen einen absoluten Wert, weil das durch sie gegebene Gesetz allen Wert bestimmt? Anders formuliert: Unter welchen Voraussetzungen würde aus der allen Wert bestimmenden Eigenschaft des Gesetzes der absolute Wert der zugrundeliegenden Gesetzgebung folgen? Zur Erörterung dieser Frage sei kurz an einige systematische Gründe für die Einführung des Autonomieprinzips in GMS II erinnert. Kant führt das Autonomieprinzip mit dem folgenden Satz ein: „[A1] Es liegt nämlich der Grund aller praktischen Gesetzgebung *objectiv* in der *Regel* und der Form der Allgemeinheit, die sie ein Gesetz (allenfalls Naturgesetz) zu sein fähig macht [...], *subjectiv* aber im [...] Zweck an sich selbst [...]: hieraus folgt nun [...] die Idee *des Willens jedes vernünftigen Wesens als eines allgemein gesetzgebenden Willens*“ (GMS, AA 04, S. 431₀₉₋₁₈).

object even if it were the only object that existed [...]. If it [value] is not a property an object has in isolation [...] it could be an relation between two objects. The prime case is the instrumental relation. For instance, food is valuable for living beings because it is instrumental in maintaining the life [...] of those beings. [...] it could be that value is simply what people in fact value. Value then would not be a separate property, but just the subjective preference of desire. [...] Finally, value might not be a description of what a being actually values, but it could be a prescription of what one should value“ (ibid., pp. 263-264). All diese Bestimmungen gehen nicht auf die Frage ein, was Wert überhaupt ist. Ob Wert eine konstitutive Eigenschaft eines Sachverhalts ist, relational verstanden werden muss oder ein bestimmter Wert vorgeschrieben wird (dessen Präsikription sich damit wieder einem Wert verdanken müsste), sagt nichts darüber aus, was wir eigentlich meinen, wenn wir den Begriff „Wert“ gebrauchen.

от опыта, выраженную в формуле, где речь идет о цели самой по себе, к двум обстоятельствам: во-первых, к его строгой всеобщности, а во-вторых, к тому, что в определении цели самой по себе человечество представлено как объективная цель. A1 обосновывает это высказывание: Кант в целом говорит о двух аспектах практического законодательства, а именно о строгой всеобщности, или законности, правил и о лежащей в основании законодательства цели самой по себе. Если принять во внимание систематические связи, представленное в A1 обоснование можно сформулировать следующим образом. Известно, что Кант развивает различие между гипотетическими и категорическими императивами, исходя из понятия императива вообще как принуждающего выражения рационального определения воли. Тем самым императив всегда является и выражением некоторым образом определенной воли. Это должно относиться и к *категорическому* императиву. Последний есть выражение чистой воли, которая должна быть волей *законодательной*, так как категорический императив есть закон. Поскольку Кант видит в понятии цели определяющий признак понятия воли, объективное основание ее самоопределения для действия (см.: AA 04, S. 427; Кант, 1997а, с. 163), мы должны иметь возможность назвать и цель чистой, законодательствующей воли. Эта цель — цель сама по себе.

Кант формулирует принцип автономии после того, как вводит понятие цели самой по себе и дает ему определение во втором разделе «Основоположения». Мы видели, что во вступительной части Кант приписывает цели самой по себе абсолютную ценность и, исходя из этой ее особенности, придает ей функцию, обосновывающую действенность категорического императива. И если вступительный пассаж фундирован принципом автономии, то следовало бы приписать абсолютную ценность или ценность вообще не законодательной воле, но лишь цели самой по себе. Однако в посвященном царству целей фрагменте W4, который мы недавно рассмотрели, абсолютная ценность придается законодательству, а не только цели самой по себе, то есть не только *одному* аспекту законодательства. Возникает вопрос: что именно позволяет Канту сделать такой шаг?

Этот шаг Канта мог бы быть обоснован, если бы законодательная воля — чисто гипотетически — была *идентична* собственной цели, то есть цели самой по себе. Точнее говоря, если бы целью законодательной воли была сама законодательная воля, тогда она сама, как и ее цель, обладала бы абсолютной ценностью. Но как следует понимать то, что чистая,

In dem Satz, der A1 vorhergeht, führt Kant die Erfahrungsunabhängigkeit des kategorischen Imperativs in der Selbstzweckformel auf zwei Momente zurück: erstens auf seine strenge Allgemeinheit und zweitens auf den Umstand, dass in der Selbstzweckformel Menschheit als objektiver Zweck vorgestellt wird. A1 liefert eine Begründung für diese Aussage, indem Kant praktische Gesetzgebung überhaupt auf zwei Momente zurückführt, die strenge Allgemeinheit bzw. Gesetzlichkeit der Regel und einen der Gesetzgebung zugrundeliegenden Zweck an sich selbst. In einer Formulierung, welche die systematische Zusammenhänge einholt, lässt sich die in A1 gegebene Begründung folgendermaßen wiedergeben: Kant entwickelt die Unterscheidung zwischen hypothetischen und kategorischen Imperativen bekanntlich im Ausgang vom Begriff eines Imperativs überhaupt als nötigem Ausdruck rationaler Willensbestimmung. Ein Imperativ ist damit immer auch Ausdruck eines auf gewisse Weise bestimmten Willens. Das gilt folglich auch für den *kategorischen* Imperativ. Dieser ist Ausdruck des *reinen* Willens, der, weil der kategorische Imperativ ein Gesetz ist, ein *gesetzgebender* Wille sein muss. Da Kant den Begriff des Zwecks als ein definierendes Merkmal des Begriffs des Willens versteht — als den objektiven Grund der Selbstbestimmung zur Handlung (Vgl. *GMS*, AA 04, S. 427₂₁₋₂₃) — muss ein Zweck auch des reinen, gesetzgebenden Willens angegeben werden können. Dieser Zweck ist der Zweck an sich selbst.

Die Formulierung des Autonomieprinzips folgt auf die Einführung des Zwecks an sich selbst und der Selbstzweckformel im zweiten Abschnitt der *GMS*. Da Kant, wie gesehen, dem Zweck an sich selbst in seiner einführenden Thematisierung absoluten Wert zuschreibt und in dieser Eigenschaft mit einer geltungsbegründenden Funktion für den kategorischen Imperativ versieht, würde man, legt man die Einführungspassage zum Autonomieprinzip zugrunde, nun nicht dem gesetzgebenden Willen insgesamt absoluten Wert oder auch nur Wert überhaupt zuschreiben, sondern vielmehr nur dem Zweck an sich selbst. In W4, dem zuletzt behandelten Passus zum Reich der Zwecke, erhält jedoch die Gesetzgebung des Willens insgesamt absoluten Wert, nicht bloß der Zweck an sich selbst, also *ein* Aspekt der Gesetzgebung. Man muss sich folglich die Frage stellen, was Kant zu diesem Schritt berechtigt.

законодательная воля является собственной целью? Возможно, мы достигнем большей ясности, если вместо чистой воли будем говорить о чистом практическом разуме или рациональности. (Сделать эту замену нам позволяет известное кантовское определение воли как практического разума⁹.) В этом случае чистый практический разум в своей автономии имел бы своей целью не что иное, как чистую практическую разумность, или *чистую практическую рациональность*. При таком взгляде на автономию воли категорический императив всегда требовал бы действия, в том числе и ради чистой практической рациональности, поскольку последняя сама имеет абсолютную ценность. Описанное понимание моральной автономии как саморефлексивности чистого практического разума дает нам ключ к решению ключевых проблем настоящего исследования. Более того, с моей точки зрения, понимание моральной автономии как формы практического самосознания позволяет понять один из самых сложных для интерпретации вопросов всей зрелой моральной философии Канта — впрочем, об этом здесь достаточно только упомянуть (см.: Porcheddu, 2019, S. 3–28).

Существует ли цель сама по себе?

Итак, если целью законодательного, чистого практического разума является не что иное, как сам чистый практический разум, тогда мы можем понять, почему из особенности данного им закона, заключающейся в определении любой ценности, следует абсолютная ценность законодательства. Однако если мы хотим сформулировать потенциальное решение проблемы непоследовательности, недостаточно лишь предположить такую возможность. Поскольку в царстве целей разумное существо, как было упомянуто ранее, становится целью самой по себе посредством морального воления и действия, цель сама по себе является, очевидно, тем, что должно быть *реализовано*. Однако такому пониманию цели самой по себе препятствует господствующий в кантоведении тезис, согласно которому цель сама по себе является так называемой *существующей* целью¹⁰. Существующая цель пони-

⁹ Ср.: «Каждая вещь в природе действует по законам. Только разумное существо имеет *волю* или способность действовать согласно *представлению* о законах, т.е. по принципам. Так как для выведения действий из законов требуется *разум*, то воля есть не что другое, как практический разум» (AA 04, S. 412; Кант, 1997а, с. 117).

¹⁰ См.: (Wood, 1999, S. 16–17; Korsgaard, 1986, S. 125; Dean, 2006, S. 114–115; Guyer, 2007, S. 95; Glasgow, 2007, p. 298; Allison, 2011, p. 208–209).

Kant wäre zu diesem Schritt legitimiert, wenn der gesetzgebende Wille — *ex hypothesi* — *identisch* mit seinem Zweck, dem Zweck an sich selbst, wäre. Pointierter formuliert: Angenommen, der Zweck des gesetzgebenden Willens wäre der gesetzgebende Wille selbst, dann käme dem gesetzgebenden Willen mit dem absoluten Wert seines Zwecks ebenfalls absoluter Wert zu. Was aber soll es heißen, dass der reine, gesetzgebende Wille sein eigener Zweck ist? Das wird vielleicht etwas klarer, wenn man statt vom reinen Willen von der reinen praktischen Vernunft oder Rationalität spricht. Die Legitimation hierzu liefert bekanntlich Kants eigene Bestimmung des Willens als praktische Vernunft.⁹ Dann hätte reine praktische Vernunft in ihrer Autonomie nichts anderes zum Zweck als reine praktische Vernünftigkeit oder *reine praktische Rationalität*. Der kategorische Imperativ würde damit in dieser Perspektive auf die Autonomie des Willens ein Handeln immer auch um willen reiner praktischer Rationalität fordern, weil letztere selbst absoluten Wert hat. Mit diesem Verständnis moralischer Autonomie als einer Selbstreflexivität reiner praktischer Vernunft halten wir nicht nur den Schlüssel zur Lösung der in dieser Untersuchung leitenden Probleme in der Hand. Vielmehr eröffnet dieses Verständnis moralischer Autonomie als einer Form praktischen Selbstbewusstseins m. E. ein Verständnis einiger der hartnäckigsten Interpretationsprobleme der gesamten reifen Moralphilosophie Kants — das sei an dieser Stelle nur angedeutet (Vgl. Porcheddu, 2019, S. 3-28).

Ist der Zweck an sich selbst ein existierender Zweck?

Wäre also der Zweck der gesetzgebenden reinen praktischen Vernunft nichts anderes als die reine praktische Vernunft selber, könnte man einsehen, weshalb aus der Eigenschaft des durch sie gegebenen Gesetzes, allen Wert zu bestimmen, der absolute Wert der Gesetzgebung folgen würde. Eine solche Möglichkeit in Erwägung zu ziehen, reicht jedoch nicht aus, will man eine mögliche Lösung des Inkonsistenzproblems formulieren. Da das vernünftige Wesen, wie gesehen, zum Zweck an sich selbst im Reich der Zwecke durch moralisches Wollen und

⁹ Vgl.: „Ein jedes Ding der Natur wirkt nach Gesetzen. Nur ein vernünftiges Wesen hat das Vermögen, *nach der Vorstellung* der Gesetze, d. i. nach Principien, zu handeln, oder einen *Willen*. Da zur Ableitung der Handlungen von Gesetzen *Vernunft* erfordert wird, so ist der Wille nichts anders als praktische Vernunft“ (GMS, AA 04, S. 412₂₆₋₃₀).

мается как положение вещей, ради которого совершаются поступки, но которое не требуется реализовывать, поскольку оно уже существует. В рамках настоящего исследования мы не сможем детально разъяснить вопрос об обоснованности тезиса о существовании и его согласованности с предложенными Кантом определениями цели вообще. Вместо этого мы остановимся лишь на нескольких аспектах позиции, противоположной тезису о существовании, в контексте представленной выше интерпретации — до того момента, пока не найдем решение главной проблемы.

Наша позиция, противоположная тезису о существовании, состоит в том, что цель сама по себе, которую нужно реализовать, есть особый случай практической цели вообще¹¹, которой Кант дает определения в нескольких работах. В этих определениях цель мыслится как единство мотивирующего, то есть вызывающего действие представления и реальности предмета этого представления. Точнее говоря, представление, всегда являющееся к тому же понятийным, мотивирует действия, которые реализуют предмет этого самого представления. В соответствии с этим определением цель всегда также является (потенциальной) целью действия. Поскольку основой действительности гипотетических императивов, а также, как мы видели ранее, категорического императива служит цель, они предписывают лишь действия ради лежащей в их основе цели. Если подобной целью является цель сама по себе, то и в ее случае мы должны иметь возможность проводить принципиальное различие между 1) мотивирующим действие понятийным представлением о положении вещей, 2) практическим правилом, обоснованным действительностью представления, — или соответствующим императивом, 3) действиями, реализующими цель, и, наконец, 4) реализованной целью. Из перспективы предложенной выше интерпретации автономии и цели самой по себе как отношения чистого практического разума к самому себе это означает следующее:

¹¹ Параграф 10 «Критики способности суждения» начинается, возможно, с самого известного определения цели: «Если хотят объяснить, что такое цель по ее трансцендентальным определениям... то цель есть предмет понятия, поскольку понятие рассматривается как причина этого предмета (как реальное основание его возможности); и каузальность понятия в отношении его объекта есть целесообразность (forma finalis)» (AA 05, S. 219–220; Кант, 2001, с. 193). Ср. также соответствующие фрагменты в «Критике практического разума» (AA 05, S. 20; Кант, 19976, с. 323) и «Метафизике нравов» (AA 06, S. 381–387; Кант, 2019, с. 29–41).

Handeln wird, ist der Zweck an sich selbst offenbar etwas zu *Verwirklichendes*. Dem Verständnis des Zwecks an sich selbst als etwas, das zu verwirklichen ist, steht nun allerdings eine These vorherrschender Forschungspositionen entgegen. Sie besagt, dass der Zweck an sich selbst ein oft so genannter *existierender Zweck* ist.¹⁰ Ein existierender Zweck wird hierbei als ein Sachverhalt verstanden, um willen dessen zwar gehandelt wird, den es aber nicht zu realisieren gilt, weil er bereits bzw. immer schon existiert. Wir können im Rahmen dieser Untersuchung keine eingehende Erörterung der grundsätzlichen Plausibilität der Existenzthese sowie ihrer Konsistenz mit Blick auf die von Kant gelieferten Definitionen eines Zwecks überhaupt vornehmen. Vielmehr sollen hier nur einige Aspekte einer möglichen Gegenposition zur Existenzthese im Lichte der bisher gelieferten Interpretation präsentiert werden — bis zu dem Punkt, an dem eine Lösung der untersuchungsleitenden Probleme in Sicht kommt.

Gemäß der hier zu vertretenden Gegenposition zur Existenzthese wäre der Zweck an sich selbst als ein zu realisierender Zweck ein wenn auch besonderer Fall eines (praktischen) Zwecks überhaupt,¹¹ wie Kant ihn in verschiedenen Schriften definiert. In diesen Definitionen wird ein Zweck als Einheit aus handlungsmotivierender bzw. handlungsverursachender Vorstellung und der Realität des Gegenstandes dieser Vorstellung gedacht. Genauer gesagt, motiviert die immer auch begriffliche Vorstellung diejenigen Handlungen, die den Gegenstand ebendieser Vorstellung realisieren. Ein Zweck ist nach Maßgabe einer solchen Definition also immer auch (potentielles) Handlungsziel. Hypothetische Imperative, aber auch, wie wir gesehen haben, der kategorische Imperativ haben ihren Geltungsgrund in einem Zweck und gebieten folglich nichts anderes als Handlungen um willen des zugrundeliegenden Zwecks. Soll der Zweck an sich selbst ein solcher Zweck sein, müssen wir auch bei ihm grundsätzlich zwischen handlungsmotivierender begrifflicher Vorstellung eines Sachverhalts, der durch die Vorstellung in ihrer Gel-

¹⁰ Vgl. Wood, 1999, S. 16-17; Korsgaard, 1986, S. 125; Dean, 2006, S. 114-115; Guyer, 2007, S. 95; Glasgow, 2007, p. 298; Allison, 2011, p. 208-209.

¹¹ § 10 der *Kritik der Urteilskraft* beginnt mit der wohl bekanntesten Definition eines Zwecks: „Wenn man, was ein Zweck sei, nach seinen transscendentalen Bestimmungen [...] erklären will: so ist Zweck der Gegenstand eines Begriffs, sofern dieser als die Ursache von jenem (der reale Grund seiner Möglichkeit) angesehen wird; und die Causalität eines Begriffs in Ansehung seines *Objects* ist die Zweckmäßigkeit (*forma finalis*)“ (KU, AA 05, 219³⁰⁻³¹-220⁰⁴). Vgl. auch *KpV*, AA 05, S. 20; *MS*, AA 06, S. 381-387.

i. Цель сама по себе как основание действительности категорического императива можно описать как рациональное и мотивирующее действие представление практического разума.

ii. Соответственно, категорический императив требует действий именно ради чистой практической рациональности.

iii. В таком случае действия в соответствии с категорическим императивом суть такие действия, которые реализуют цель сама по себе как чистый практический разум.

Однако поскольку в моральном действии чистый практический разум уже является реальным, как реально и законодательство разумного существа в возможном царстве целей, реализующее цели действие и реализация цели совпадают друг с другом в цели самой по себе. Последнее обстоятельство является лишь одной из особенностей цели самой по себе в противоположность конкретным целям действия. В настоящей работе нет возможности подробнее остановиться на других особенностях. В данном контексте важно лишь то, что по крайней мере не кажется совершенно неверным такое понимание цели самой по себе, при котором ее описанные выше центральные структурные признаки совпадают с признаками традиционных, конкретных целей действия. Посмотрим теперь, помогут ли предложенные нами в ходе предшествующего анализа интерпретации решить проблему непоследовательности, а также самым тесным образом связанные с ней вопросы об отношении между автономией и достоинством (W4). Здесь возникают следующие вопросы:

1. Насколько обоснованно то, что у Канта цель сама по себе становится условием моральности и, напротив, моральность — условием цели самой по себе? На этот вопрос можно ответить так: в качестве основания действительности категорического императива цель сама по себе есть чистый практический разум, еще не реализованный в чувственных условиях, чье представление осознано в форме уважения — независимо от реального морального действия. Поскольку чистый практический разум и законодательство в возможном царстве целей реализуются в воле и действии, можно говорить о моральности и как об условии возможности реализации чистого практического разума, а тем самым и реализации цели самой по себе.

2. Насколько обоснованно то, что Кант делает цель сама по себе ее собственным условием? Благодаря предложенной нами интерпретации это пере-

tung begründeten praktischen Regel bzw. des entsprechenden Imperativs, den zweckrealisierenden Handlungen und schließlich dem realisierten Zweck unterscheiden können. Vor dem Hintergrund der oben erwogenen Interpretation der Autonomie und des Zwecks an sich selbst als eines Selbstverhältnisses der reinen praktischen Vernunft heißt das:

i. Der Zweck an sich selbst als Geltungsgrund des kategorischen Imperativs müsste als rationale und handlungsmotivierende Vorstellung einer reinen praktischen Vernunft beschreibbar sein.

ii. Der kategorische Imperativ würde demnach nichts anderes fordern als Handlungen um willen reiner praktischer Rationalität.

iii. Die Handlungen zufolge des kategorischen Imperativs wären dann diejenigen, die den Zweck an sich selbst realisieren, als reine praktische Vernunft.

Da im moralischen Handeln jedoch reine praktische Vernunft bereits real ist, genauso wie die Gesetzgebung eines vernünftigen Wesens in einem möglichen Reich der Zwecke, fallen das zweckrealisierende Handeln und die Realisierung des Zwecks beim Zweck an sich selbst offenbar zusammen. Letzteres macht nur eine von verschiedenen Besonderheiten des Zwecks an sich selbst gegenüber Zwecken im Sinne konkreter Handlungsziele aus. Auf die weiteren Besonderheiten kann hier aber nicht näher eingegangen werden. Relevant für den vorliegenden Zusammenhang ist allein, dass es zumindest nicht gänzlich abwegig erscheint, den Zweck an sich selbst so zu verstehen, dass er die beschriebenen zentralen strukturellen Merkmale mit herkömmlichen Zwecken, also konkreten Handlungszielen, teilt. Schauen wir nun, ob wir mithilfe der durchgeführten Analysen und erwogenen Interpretationen das Inkonsistenzproblem sowie die mit letzterem aufs engste verwobenen Fragen nach dem Verhältnis von Autonomie und Würde (W4) lösen können. Hier stellen sich die folgenden Fragen:

1. Inwiefern ist Kant berechtigt, den Zweck an sich selbst zur Bedingung der Moralität zu machen und umgekehrt Moralität zur Bedingung des Zwecks an sich selbst? Diese Frage kann nun folgendermaßen beantwortet werden: Als Geltungsgrund des kategorischen Imperativs ist der Zweck an sich selbst die noch nicht unter sinnlichen Bedingungen realisierte reine praktische Vernunft, deren Vorstellung in Form der Achtung bewusst ist — unabhängig vom tatsächlichen moralischen Handeln. Weil reine praktische Vernunft und Gesetzgebung in einem möglichen Reich der Zwecke im moralischen Handeln und Wollen realisiert werden, kann Moralität insofern

стает быть проблемой: если приписать цели самой по себе структуру, сходную со структурой обычных целей, как это было сделано выше, тогда цель саму по себе также следует понимать как единство мотивирующего действие представления и реализации его содержания. И мотивирующее представление о предмете воления, и реализованный предмет воления мы совокупно называем целью. В случае обычных целей цель, понятая как представленная антиципация задачи действия, есть условие реальности представленного посредством целенаправленного действия. То же относится и к цели самой по себе: в образе чистого практического разума, представленного благодаря уважению, и в качестве условия действительности категорического императива она является условием реальности чистого практического разума в фактическом моральном действии и волении.

3. Почему законодательство воли имеет абсолютную ценность как источник закона, определяющего всякую ценность? Потому что законодательство, согласно нашей интерпретации, заключается в том, что чистая воля имеет саму себя высшей целью и благодаря этому приписывает себе абсолютную ценность. Таким образом, моральная автономия означает: *чистая воля волит саму себя!* Как мы видели, определяющий ценности закон, категорический императив, служит выражением и следствием этой чистой, автономной, волящей саму себя воли. Он определяет всякую ценность *sub specie* своего основания действительности, чистой, рефлексивной о себе воли. Итак, не потому законодательство имеет абсолютную ценность, что закон определяет всякую ценность, а наоборот: поскольку законодательство имеет абсолютную ценность, закон определяет всякую ценность.

4. Наконец, мы подходим к вопросу о легитимности кантовского утверждения о том, что автономия есть основание достоинства человеческой и всякой разумной природы. Я предлагаю интерпретировать это утверждение Канта как высказывание о структурных особенностях разумной природы. Эти особенности состоят в описанном ранее отношении разумной природы к себе: поскольку автономия разумной природы, являющаяся не чем иным, как чистым практическим разумом, состоит в том, чтобы иметь себя высшей целью и, следовательно, приписывать себе абсолютную ценность, ее автономное устройство служит основанием ее достоинства — ее абсолютной ценности для самой себя.

aber auch als Bedingung der Möglichkeit realisierter reiner praktischer Vernunft, und damit des realisierten Zwecks an sich selbst, angesprochen werden.

2. Inwiefern ist Kant legitimiert, den Zweck an sich selbst zu seiner eigenen Bedingung zu machen? Auch das stellt mithilfe der vorgeschlagenen Interpretation kein Problem mehr dar: Spricht man dem Zweck an sich selbst eine zu herkömmlichen Zwecken parallele Struktur zu, wie es oben geschehen ist, ist auch der Zweck an sich selbst als Einheit aus handlungsmotivierender Vorstellung und der Realisierung ihres Gehaltes zu verstehen. Beides, die motivierende Vorstellung des Gewollten als auch das realisierte Gewollte, nennen wir gemeinhin einen Zweck. Wie bei herkömmlichen Zwecken der Zweck, verstanden als vorgestellte Antizipation des Handlungsziels, die Bedingung der Realität des so Vorgestellten durch zweckmäßiges Handeln ist, so auch beim Zweck an sich selbst: In Gestalt der durch Achtung vorgestellten reinen praktischen Vernunft und als Geltungsgrund des kategorischen Imperativs ist er die Bedingung der Realität reiner praktischer Vernunft im tatsächlichen moralischen Handeln und Wollen.

3. Weshalb hat die Gesetzgebung des Willens absoluten Wert als Ursprung des allen Wert bestimmenden Gesetzes? Dem ist deswegen so, weil die Gesetzgebung gemäß unserer Interpretation darin besteht, dass der reine Wille sich selbst zum obersten Zweck hat und sich selbst hiermit absoluten Wert zuspricht. Moralische Autonomie bedeutet also: *der reine Wille will sich selbst!* Das wertbestimmende Gesetz, der kategorische Imperativ, ist, wie wir gesehen haben, Ausdruck und Folge dieses sich selbst wollenden reinen, autonomen Willens. Er bestimmt also allen Wert *sub specie* seines Geltungsgrundes, des reinen, selbst-reflexiven Willens. Nicht, weil das Gesetz allen Wert bestimmt, hat die Gesetzgebung also absoluten Wert, sondern umgekehrt, weil die Gesetzgebung absoluten Wert hat, bestimmt das Gesetz allen Wert.

4. Kommen wir schließlich zur Frage nach der Legitimität der Behauptung Kants, Autonomie sei der Grund der Würde der menschlichen und jeder vernünftigen Natur. Ich schlage vor, diese Behauptung Kants als Aussage über strukturelle Eigenschaften der vernünftigen Natur zu lesen. Diese strukturellen Eigenschaften bestehen in dem beschriebenen Selbstverhältnis der vernünftigen Natur: Weil die Autonomie der vernünftigen Natur, die nichts anderes ist als die reine praktische Vernunft, darin besteht, sich selbst zum obersten Zweck zu haben und folglich sich selbst absoluten Wert zuzuschreiben, ist ihre autonome Konstitution der Grund ihrer Würde — ihres absoluten Werts für sich selbst.

2. Предпосылки предложенного решения

Предложенный способ преодоления проблемы непоследовательности не только сложен, но и исходит из многочисленных предпосылок. Представленное решение может претендовать на значимость лишь в том случае, если оно найдет свое подтверждение благодаря интеграции в более обширную интерпретацию. Подобная интерпретация должна, например, предложить убедительное альтернативное прочтение тех мест, в которых Кант, как кажется, описывает цель саму по себе прежде всего как явно существующую цель, например «не как подлежащ[ую] осуществлению, но как *самосущ[ую]* цель» (AA 04, S. 437; Кант, 1997а, с. 195). В дальнейшем будут представлены убедительные текстовые свидетельства в пользу точки зрения, согласно которой цель сама по себе действительно есть не что иное, как чистый практический разум. Затем будет дано последовательное и убедительное описание категорического императива, в соответствии с которым он требует действия исключительно ради чистой практической рациональности, а последняя, таким образом, составляет его содержание. Далее будет сделано несколько шагов к такой более обширной интерпретации.

Цель сама по себе как самостоятельная цель

Как же обстоит дело с тем местом у Канта, которое можно рассматривать в качестве прямого текстового свидетельства в пользу тезиса о существовании цели самой по себе? Наш анализ покажет, что этот фрагмент никоим образом не принуждает нас принять упомянутый тезис. Сначала приведем цитату:

Разумная природа тем выделяется из всей прочей, что сама полагает себе цель. Последняя составляла бы материю всякой доброй воли. Но в идее воли, абсолютно доброй без ограничивающего условия (достижения той или другой цели), непременно нужно отвлечься от всякой *подлежащей осуществлению* цели (как такой, которая бы сделала всякую волю только относительно доброй); поэтому цель здесь должна мыслиться не как подлежащая осуществлению, но как *самосущая* цель, следовательно, только отрицательно, т.е. как цель, вопреки которой никогда не следует поступать, которую, таким образом, в каждом волеии никогда нельзя ценить только как средство, но всегда в то же время как цель (AA 04, S. 437; Кант, 1997а, с. 195).

II. Die Implikationen des Lösungsvorschlags

Die vorgeschlagene Überwindung des Inkonsistenzproblems ist nicht nur komplex, sie ist auch voraussetzungsreich. Der präsentierte Lösungsvorschlag kann folglich nur dann Geltung beanspruchen, wenn er durch Integration in eine umfassendere Interpretation bestätigt wird. Eine solche Interpretation müsste beispielsweise eine plausible alternative Lesart derjenigen Passagen anbieten, in denen Kant den Zweck an sich selbst *prima facie* deutlich als existierenden Zweck zu beschreiben scheint, z. B. „nicht als einen zu bewirkenden, sondern selbständigen Zweck“ (GMS, AA 04, S. 437²⁶⁻²⁷). Des Weiteren werden gute textuelle Evidenzen für die Ansicht beizubringen sein, dass der Zweck an sich selbst tatsächlich, wie behauptet, nichts anderes als die reine praktische Vernunft ist. Schließlich müsste eine konsistente und plausible Beschreibung des kategorischen Imperativs geliefert werden, nach welcher dieser einzig ein Handeln um willen reiner praktischer Rationalität fordert, letztere also seinen Gehalt ausmacht. Im Folgenden sollen exemplarisch einige Schritte hin zu einer solchen umfassenderen Interpretation getan werden.

Der Zweck an sich selbst als selbständiger Zweck

Wie steht es also um diejenige Stelle, die als ein direkter textueller Beleg für die Geltung der Existenzthese zum Zweck an sich selbst angesehen werden könnte? Die Analyse wird zeigen, dass dieser Passus keineswegs zu einer ‚Existenzthese‘ des Zwecks an sich selbst zwingt. Die Passage sei zunächst zitiert:

Die vernünftige Natur nimmt sich dadurch von den übrigen aus, daß sie ihr selbst einen Zweck setzt. Dieser würde die Materie eines jeden guten Willens sein. Da aber in der Idee eines ohne einschränkende Bedingung (der Erreichung dieses oder jenes Zwecks) schlechterdings guten Willens durchaus von allem zu *bewirkenden* Zwecke abstrahiert werden muß (als der jeden Willen nur relativ gut machen würde), so wird der Zweck hier nicht als ein zu bewirkender, sondern *selbständiger* Zweck, mithin nur negativ gedacht werden müssen, d. i. dem niemals zuwider gehandelt, der also niemals bloß als Mittel, sondern jederzeit zugleich als Zweck in jedem Willen geschätzt werden muß (GMS, AA 04, S. 437²¹⁻³⁰).

За кантовским утверждением о том, что цель сама по себе «составляла бы материю всякой доброй воли», следует высказывание, согласно которому эта цель не подлежит «осуществлению», но является «самосущей» и понимается лишь негативно. Тем самым утверждение об особости цели самой по себе очевидно следует рассматривать в свете слов Канта о материи «всякой доброй воли». Соответственно, кажется логичным интерпретировать высказывание о том, что цель сама по себе не подлежит «осуществлению», как разъяснение конъюнктивного высказывания, согласно которому она «составляла бы материю всякой доброй воли». Во втором разделе «Основоположения» мы находим тезис, касающийся отличий категорического императива от императива гипотетического: категорический императив «касается не материи действия и не того, что из него должно последовать» (AA 04, S. 416; Кант, 1997а, с. 129). Кроме того, Кант определяет «материальные» цели как такие, «которые разумное существо ставит себе... как результаты своего действия», добавляя, что «практические принципы... материальны» в том случае, если «кладут в основу... субъективные цели», а следовательно, и «известные мотивы» (AA 04, S. 427; Кант, 1997а, с. 165). Иными словами, материальные цели определяются склонностями и как таковые являются основанием действительности гипотетических императивов (см.: AA 04, S. 427–428; Кант, 1997а, с. 165). Эти «известные мотивы», руководствуясь которыми чувственно-разумное существо ставит себе цели, основаны на «особенно устроенной способности желания субъекта» (Там же) — способности, наличие которой как таковой можно предполагать не у всех разумных существ. Это значение «материи» Кант очевидно имеет в виду, когда, поясняя свою конъюнктивную формулировку, пишет, что «в идее воли, абсолютно доброй без ограничивающего условия (достижения (курсив мой. — Р.П.) той или другой цели), непременно нужно отвлечься от всякой подлежащей осуществлению цели» (AA 04, S. 437; Кант, 1997а, с. 195). То есть Кант утверждает необходимость связи между особенностями цели, заключающимися в ее обусловленности склонностями, субъективности и производительности. Эта связь известна любому читателю, знакомому со зрелой моральной теорией Канта. В «Основоположении» она встречается в нескольких местах, а позднее играет важную роль в § 2 и 3 «Критики практического разума» (см.: AA 05, S. 21–22; Кант, 1997б, с. 325–329).

Тем не менее упомянутая связь не может быть верна, так сказать, в обоих направлениях, хотя обу-

Auf Kants Behauptung, der Zweck an sich selbst „würde die Materie eines jeden guten Willens sein“, folgt also die Aussage, dieser sei „kein zu bewirkender,“ sondern ein „selbstständiger“ und nur negativ zu denkender Zweck. Damit muss die Behauptung über die Besonderheit des Zwecks an sich selbst offenbar im Lichte der Rede von der „Materie eines jeden guten Willens“ gelesen werden. Es liegt somit nahe, die Aussage, der Zweck an sich selbst sei kein „zu bewirkender“ Zweck, als Erläuterung der konjunktionischen Aussage zu verstehen, er „würde die Materie eines jeden guten Willens sein.“ So findet sich in *GMS II* die These, der kategorische Imperativ betreffe, im Unterschied zum hypothetischen Imperativ, „nicht die Materie der Handlung und das, was aus ihr [der Handlung — Vf.] erfolgen soll“ (*GMS*, AA 04, S. 416₁₀). Kant bestimmt außerdem „materiale Zwecke“ als solche, „die sich ein vernünftiges Wesen als Wirkungen seiner Handlungen [...] vorsetzt,“ oder dass „praktische Principien [...] material“ seien, wenn diese „subjective Zwecke,“ folglich „gewisse Triebfedern zum Grunde legen“ (*GMS*, AA 04, S. 427₃₁). Materiale Zwecke sind also neigungsbestimmt und als solche Geltungsgründe hypothetischer Imperative (Vgl. *GMS*, AA 04, S. 427₁₉-428₀₂). Diese „gewisse[n] Triebfedern,“ nach denen ein sinnlich-vernünftiges Wesen solche materialen Zwecke setzt, gründen auf einem „besonders geartete[n] Begehrungsvermögen des Subjects“ (*GMS*, AA 04, S. 427₃₅₋₃₆), das als solches nicht bei allen vernünftigen Wesen vorausgesetzt werden kann. Auf diesen Sinn von „Materie“ zielt Kant offenbar, wenn er zur Erklärung seiner konjunktionischen Formulierung schreibt, dass „in der Idee eines ohne einschränkende Bedingung (der Erreichung [Hv. v. R. P.] dieses oder jenes Zwecks) schlechterdings guten Willens, von allen zu bewirkenden Zwecken abstrahiert werden muss [...]“ (*GMS*, AA 04, S. 437₂₃₋₂₅). Kant behauptet also eine notwendige Verbindung der Eigenschaften eines Zwecks, neigungsbedingt, subjektiv und etwas Hervorzubringendes zu sein. Diese Verbindung ist jedem Leser der reifen Moraltheorie Kants geläufig. Sie wird in der *Grundlegung* an verschiedenen Stellen formuliert und dann prominent in den Paragraphen zwei und drei der *Kritik der praktischen Vernunft* (Vgl. *KpV*, AA 05, S. 21₁₄-22₃₁).

Diese Verbindung kann aber nicht für sozusagen beide Richtungen gelten: Zwar impliziert Neigungsbedingtheit immer Subjektivität und naturkausales

словленность склонностями всегда предполагает субъективность и природную обусловленность производства предмета воления. Поскольку моральное действие, как и любое действие, имеет цель и, следовательно, что-то реализует, но не проистекает по этой причине из побуждения склонности, не все подлежащие реализации цели действия предполагают обусловленность склонностями и субъективность. Подтверждение тому можно найти, если вновь взглянуть на роль разумных существ в царстве целей: как мы установили, разумное существо благодаря моральному действию становится законодателем в возможном царстве целей и в качестве законодателя, целью самой по себе¹². Поэтому я предлагаю следующее толкование связи между понятиями «материальный», «субъективный», «подлежать осуществлению» и «производить»: в процитированном фрагменте «подлежащие осуществлению цели» означают такие цели, чьи мотивирующие основания заключены в побуждении склонности. Эти цели проистекают тем самым из «особенно устроенной способности желания субъекта» (AA 04, S. 427; Кант, 1997а, с. 165) и, следовательно, представляют собой субъективные, или материальные, цели, а значит, как таковые могут обосновывать лишь гипотетические императивы.

В этом свете нам открывается новое толкование «негативности» и «самостоятельности», приписываемых Кантом цели самой по себе. Новая интерпретация позволяет нам рассматривать цель саму по себе как то, что реализуется *посредством* и *в ходе* морального действия. Самостоятельность цели самой по себе в противоположность субъективным, или материальным, целям можно понимать как особенность, состоящую в том, что основание действенности цели самой по себе не заключено в устройстве склонностей волящих существ и тем самым не обусловлено естественными причинами. То, что вообще существует цель сама по себе, не является следствием никакого вызванного природными причинами события, хотя это обстоятельство ни в коем случае не исключает необходимости реализации в цели

¹² Это следует из того, что царство целей, как мы видели, должно быть реальным нравственным порядком, реализуемым реальным моральным действием и волением. Еще раз процитирую два соответствующих места у Канта: «Такое царство целей осуществилось бы на самом деле через посредство максим, правило которых предписывает всем разумным существам категорический императив, если бы максимами этим следовали всеобщим образом» (AA 04, S. 438; Кант, 1997а, с. 199); «Моральность же и есть условие, при котором разумное существо только и может быть целью самой по себе, так как только посредством нее можно быть законодательствующим членом в царстве целей» (AA 04, S. 435; Кант, 1997а, с. 187).

Hervorbringen des Gewollten. Da aber auch moralisches Handeln, wie jedes Handeln, ein Handlungsziel hat, folglich etwas realisiert, ohne sich deshalb aus einem Neigungsantrieb zu vollziehen, implizieren nicht alle zu realisierenden Handlungsziele Neigungsbedingtheit und Subjektivität. Ein Blick zurück auf das vernünftige Wesen als Gesetzgeber im Reich der Zwecke bestätigt das: Das vernünftige Wesen *wird*, wie wir festgestellt haben, durch moralisches Handeln zum Gesetzgeber in einem möglichen Reich der Zwecke und als dieser Gesetzgeber Zweck an sich selbst.¹² Ich schlage deshalb die folgende Lesart des Zusammenhangs der Begriffe ‚material‘, ‚subjektiv‘, ‚zu bewirken‘ und ‚hervorzubringen‘ vor: An dieser Stelle meinen „zu bewirkende Zwecke“ solche Handlungsziele, deren motivierender Grund in einem Neigungsantrieb liegt. Diese Zwecke verdanken sich damit dem „besonders gearteten Begehrungsvermögen des Subjekts“ (GMS, AA 04, S. 427³⁶⁻³⁷) und sind folglich subjektive bzw. materiale Zwecke und können als solche nur hypothetische Imperative begründen.

Auf diesem Hintergrund eröffnet sich eine Lesart der von Kant dem Zweck an sich selbst zugeschriebenen ‚Negativität‘ und ‚Selbständigkeit‘, die es erlaubt, diesen als etwas zu verstehen, das *durch* und *im* sittlichen Handeln realisiert wird. Die Selbständigkeit des Zwecks an sich selbst im Gegensatz zu subjektiven bzw. materialen Zwecken kann verstanden werden als seine Eigenschaft, weder seinen Geltungsgrund im Neigungshaushalt wollen-der Wesen zu haben, noch damit naturkausal konstituiert zu sein. Dass es also überhaupt einen Zweck an sich selbst gibt, verdankt sich keinem naturkausalen Geschehen, obschon dieser Umstand ein zu realisierendes Moment im Zweck an sich selbst keineswegs ausschließt. Die Negativität des Zwecks an sich besteht in der Eigenschaft, ein Zweck zu sein,

¹² Das folgt daraus, dass das Reich der Zwecke, wie gesehen, eine reale sittliche Ordnung sein soll, die durch tatsächliches moralischen Handeln und Wollen realisiert wird. Es seien zwei einschlägige Stelle nochmals zitiert: „Ein solches Reich der Zwecke würde nun durch Maximen, deren Regel der kategorische Imperativ allen vernünftigen Wesen vorschreibt, wirklich zu Stande kommen, wenn sie allgemein befolgt würden“ (GMS, AA 04, S. 438²⁹⁻³²). „Nun ist Moralität die Bedingung, unter der allein ein vernünftiges Wesen Zweck an sich selbst sein kann, weil nur durch sie es möglich ist, ein gesetzgebend Glied im Reiche der Zwecke zu sein“ (GMS, AA 04, S. 435⁰⁵⁻⁰⁷).

самой по себе. Негативность цели самой по себе состоит в особенности быть целью, «вопреки которой никогда не следует поступать, которую, таким образом... никогда нельзя ценить только как средство» (AA 04, S. 437; Кант, 1997а, с. 195). То, что цель сама по себе необходимо также мыслить негативно, поскольку она независима от склонностей, представляется совершенно логичным, если мы примем во внимание роль субъективных целей у Канта. Цель сама по себе негативна *по отношению к субъективным целям*, то есть служит ограничивающим условием «всех только относительных и произвольных целей» (AA 04, S. 436; Кант, 1997а, с. 191). Отсюда можно сделать вывод, что цель сама по себе есть положение вещей, которое «реализуется» посредством и в ходе всех конкретных действий как их организующий и избирательный принцип. При этом она не производится в указанном выше смысле, то есть не является целью, проистекающей из определенных склонностей, в отношении которой разумное существо аффицировано в силу природных причин. Указанный аспект интерпретации также прекрасно вписывается в изображенную нами картину кантовского царства целей: как в форме законодательства, так и в отношении к интересубъективному моральному порядку, возможному благодаря законодательству, чистый практический разум играет роль избирательной и организующей структуры или, если угодно, *системы*. Под системой, в свою очередь, следует понимать единство элементов, подчиненных единому принципу (A 644–645 / B 672–673; Кант, 2006, с. 825–826). Возникает, таким образом, не конкретное положение вещей, а *порядок*. В качестве интересубъективного порядка чистый практический разум есть царство целей.

«Разумная природа» как цель сама по себе

Напомним, что во фрагментах о царстве целей и в других местах Кант формулирует два утверждения. Во-первых, практическое законодательство, или автономия, имеет абсолютную ценность как источник практического закона, определяющего всякую ценность. Во-вторых, автономия есть «основание достоинства человеческой и всякой разумной природы». Как мы видели ранее, наша интерпретация обоих высказываний Канта предполагает, что разумная природа, цель сама по себе, есть не что иное, как чистый практический разум. Теперь нужно привести первые аргументы в пользу справедливости отождествления разумной природы с чистым практическим разумом. Для этого

„dem niemals zuwider gehandelt, der also niemals bloß als Mittel [...] geschätzt werden muss“ (GMS, AA 04, S. 437₂₈₋₃₀). Dass der Zweck an sich selbst, weil er neigungsunabhängig ist, zugleich negativ zu denken sei, ist durchaus konsequent gedacht, wenn man die Hinsicht auf subjektive Zwecke nicht vernachlässigt. Denn der Zweck an sich selbst ist *in Bezug auf* subjektive Zwecke negativ, dient also „zur einschränkenden Bedingung aller bloß relativen und willkürlichen Zwecke“ (GMS, AA 04, S. 436₂₁₋₂₂). Das lässt sich so verstehen, dass er ein Sachverhalt ist, der durch und in allen konkreten Handlungen als ihr organisierendes und selektierendes Prinzip ‚realisiert‘ wird, ohne im obigen Sinne hervorgebracht worden zu sein, ohne also ein Zweck zu sein, der aus bestimmten Neigungen resultiert und in Bezug auf welchen das vernünftige Wesen naturkausal affiziert wird. Auch dieser Interpretationsaspekt fügt sich bestens ins Bild, das wir vom Reich der Zwecke gezeichnet haben: Sowohl in der Form der Gesetzgebung des singulären vernünftigen Wesens als auch in Hinsicht auf die durch die Gesetzgebung mögliche intersubjektive moralische Ordnung wird reine praktische Vernunft als selektierende und organisierende Struktur, wenn man so will, als *System* realisiert. Hierbei muss ein System als eine Einheit von Elementen unter einem gemeinsamen Prinzip verstanden werden (Vgl. KrV, A 644-645 / B 672-673). Hervorgebracht wird also kein konkreter Sachverhalt, sondern eine *Ordnung*. Als intersubjektive Ordnung ist sie das Reich der Zwecke.

Die „vernünftige Natur“ als Zweck an sich selbst

Wir erinnern uns: Kant behauptet in den Passagen zum Reich der Zwecke u. a. zweierlei: Die praktische Gesetzgebung bzw. Autonomie habe erstens absoluten Wert als Ursprung des allen Wert bestimmenden praktischen Gesetzes. Zweitens sei Autonomie der „Grund der Würde der menschlichen und jeder vernünftigen Natur.“ Wie wir gesehen haben, setzte unsere Interpretation beider Aussagen voraus, dass die vernünftige Natur, der Zweck an sich selbst, nichts anderes ist als die reine praktische Vernunft selbst. Im Folgenden sollen erste Argumente dafür geliefert werden, dass diese Identifikation der vernünftigen Natur mit reiner praktischer Vernunft zutrifft. Hierzu nehmen wir diejenige Pas-

рассмотрим тот фрагмент, в котором Кант вводит понятие цели самой по себе. Впервые оно появляется в следующем предложении «Основоположения», которое я уже приводил в начале этой статьи: «Но положим, что существует нечто, *чье бытие само по себе* имеет абсолютную ценность, что как *цель сама по себе* могло бы быть основанием определенных законов; тогда в этой цели и только в ней одной могло бы заключаться основание возможного категорического императива, т.е. практического закона» (AA 04, S. 428; Кант, 1997а, с. 165). Далее читатель сразу узнаёт, что «человек и вообще всякое разумное существо» существует «как цель сама по себе» (AA 04, S. 428; Кант, 1997а, с. 165). Это существование, имеющее самоцель, Кант затем возводит к «природе» разумных существ (AA 04, S. 428; Кант, 1997а, с. 167). Последние названы «лицами, так как их природа уже отличает их в качестве целей самих по себе» (Там же). Под «природой» разумных существ Кант, очевидно, понимает то, что отличает разумное и волящее существо *per se* и тем самым должно быть приписано каждому такому существу *a priori*, как его свойство. В свою очередь, совершенно ясно, что отличительным признаком всех разумных существ *per se* служит разум. Поскольку речь у Канта идет об основании действительности категорического императива, то есть *практического* положения, в данном контексте должны иметься в виду все разумные и *волящие* существа, чьей определяющей особенностью является, соответственно, *практический* разум. В качестве признака, свойственного всем разумным и волящим существам *a priori*, а тем самым и всякому случайному, доступному лишь эмпирически определению, практический разум можно называть поэтому *чистым* практическим разумом. Иными словами, текстовые свидетельства из вводного пассажа о цели самой по себе указывают на ее идентичность с чистым практическим разумом¹³. Кроме того, пристальный взгляд на структуру аргументации в этом пассаже позволяет нам более детально понять, как именно разумная природа в качестве цели самой по себе относится к разумному существу, или человеку, как цели самой по себе.

¹³ К весьма схожему результату приходит К. Штайгледер в своих рассуждениях об «идее безусловной цели»: «Для практического разума как безусловно необходимой цели не может существовать ничего независимого от него, но лишь он сам» (Steigleder, 2002, S. 63–64).

sage in Augenschein, in welcher Kant den Begriff des Zwecks an sich selbst einführt. Im folgenden, bereits zu Anfang dieser Untersuchung kurz thematisierten Satz fällt zum ersten Mal in der *Grundlegung* der Begriff des Zwecks an sich selbst: „Gesetzt aber, es gäbe etwas, dessen Dasein an sich selbst einen absoluten Werth hat, was als Zweck an sich selbst ein Grund bestimmter Gesetze sein könnte, so würde in ihm und nur in ihm allein der Grund eines möglichen kategorischen Imperativs, d. i. praktischen Gesetzes, liegen“ (GMS, AA 04, S. 428₀₃₋₀₆). Unmittelbar nach diesem Satz erfährt der Leser, dass „der Mensch und überhaupt jedes vernünftige Wesen als Zweck an sich selbst“ (GMS, AA 04, S. 428₀₇) existiert. Diese selbstzweckhafte Existenz führt Kant anschließend auf die „Natur“ (GMS, AA 04, S. 428₂₂) vernünftiger Wesen zurück. Diese würden „Personen genannt [...], weil ihre Natur [Hv. v. R. P.] sie schon als Zwecke an sich selbst [...] auszeichnet [...]“ (*ibid*). Mit der „Natur“ vernünftiger Wesen meint Kant offensichtlich dasjenige, was ein vernünftiges und wollendes Wesen *per se* auszeichnet, was somit jedem dieser Wesen *a priori* als Eigenschaft zugesprochen werden muss. Das aber, was alle vernünftigen Wesen *per se* auszeichnet, ist klarerweise Vernunft. Da es hier um den Geltungsgrund des kategorischen Imperativs, also eines *praktischen* Satzes geht, müssen im vorliegenden Kontext genauer alle vernünftigen und *wollenden* Wesen gemeint sein, deren definierende Eigenschaft folglich *praktische* Vernunft ist. Praktische Vernunft in der Form desjenigen Merkmals, das allen vernünftigen, wollenden Wesen *a priori* und somit vor aller kontingenten, nur empirisch zugänglichen Bestimmung zukommt, kann insofern als *reine* praktische Vernunft angesprochen werden. Die textuellen Indizien der Einführungspassage zum Zweck an sich selbst weisen also auf seine Identität mit der reinen praktischen Vernunft hin.¹³ Auch ein näherer Blick auf die Gestaltung des Argumentationsgangs der Passage lohnt sich, da sie detailliertere Einsichten darin erlaubt, wie sich die vernünftige Natur als Zweck an sich selbst zum vernünftigen Wesen bzw. Menschen als Zweck an sich selbst verhält.

¹³ Klaus Steigleder kommt im Ausgang von allgemeinen Überlegungen zu einer „Idee eines unbedingten Zwecks“ zu einem ganz ähnlichen Ergebnis: „Als ein unbedingt notwendiger Zweck kann für reine praktische Vernunft nichts, was von ihr unabhängig wäre, sondern nur sie selbst existieren“ (Steigleder, 2002, S. 63-64).

Ближе к концу фрагмента, незадолго до формульного определения цели самой по себе, мы находим следующее выделенное Кантом утверждение: «разумная природа существует как цель сама по себе» (AA 04, S. 429; Кант, 1997а, с. 169). Выделение служит важным признаком того, что здесь завершается цепочка аргументов, состоящая из следующих шагов:

(1) «Человек и... всякое разумное существо *существует* как цель сама по себе» (AA 04, S. 428; Кант, 1997а, с. 165).

(2) Людей и всех разумных существ как цели сами по себе отличает их «природа» (и поэтому они называются личностями).

(3) Их «природа» придает им такое свойство, потому что она сама изначально и врожденно существует как цель сама по себе, а разумные существа тем самым являются как бы индивидуациями разумной природы, существующей сообразно самой себе как цели.

Если в своей функции определения всех одаренных волей существ разумная природа есть не что иное, как практический разум, как утверждалось выше, тогда *чистый практический разум* существует как цель сама по себе. И если предложенная интерпретация справедлива, то разумному существу, а значит, и человеку можно приписать имеющее самодельное существование, так сказать, только в производном смысле, а именно лишь в форме «индивидуации» чистого практического разума. Поэтому Кант совершенно последователен, когда, с одной стороны, называет целью самой по себе разумную природу, то есть способность, а с другой — единичное разумное существо в его функции законодателя в царстве целей.

Чистый практический разум как содержание практического закона

В наших рассуждениях о цели самой по себе как существующей цели мы сформулировали тезис, согласно которому содержание категорического императива может заключаться только в требовании действий ради чистой практической рациональности (чистого практического разума). Далее мы разовьем несколько аргументов в пользу этого тезиса.

Кант в нескольких местах описывает автономию как не только *законодательство* практического разума, но и его свойство *быть* законом самому себе. Такое описание он приводит, в частности, в начале третьего раздела «Основоположения», в котором представляет свой знаменитый тезис об аналитической связи между свободой и нравственностью. Раздел начинается с определения воли, за которым следует определение свободы:

Gegen Ende des Passus, kurz vor der Präsentation der Selbstzweckformel, findet sich die von Kant selbst hervorgehobene Behauptung: „*die vernünftige Natur existiert als Zweck an sich selbst*“ (GMS, AA 04, S. 429⁰²⁻⁰³). Diese Hervorhebung ist bedeutsam, denn sie kann als Kennzeichnung dafür gedeutet werden, dass an dieser Stelle eine Begründungskette abgeschlossen ist, die folgende Schritte aufweist:

(1) Der „Mensch und jedes [...] vernünftige Wesen existiert als Zweck an sich selbst“ (GMS, AA 04, S. 428⁰⁷⁻⁰⁸).

(2) Ihre „Natur“ zeichnet Menschen sowie alle vernünftigen Wesen als Zwecke an sich selbst aus (weshalb beide Personen heißen).

(3) Ihre „Natur“ verleiht ihnen deshalb diese Eigenschaft, weil sie selbst ursprünglich und genuin als Zweck an sich selbst existiert, vernünftige Wesen also gleichsam Individuationen der selbstzweckhaft existierenden vernünftigen Natur sind.

Ist die vernünftige Natur in ihrer Funktion als Definiens aller mit Willen begabten Wesen nichts anderes als reine praktische Vernunft, wie oben behauptet wurde, existiert folglich *reine praktische Vernunft* als Zweck an sich selbst. Trifft diese Deutung zu, kann dem vernünftigen Wesen, mit diesem folglich auch dem Menschen, nur in einem sozusagen derivativen Sinne selbstzweckhafte Existenz zugesprochen werden, nämlich nur in Gestalt der genannten ‚Individuation‘ der reinen praktischen Vernunft. Deswegen verfährt Kant durchaus konsistent, wenn er einerseits die vernünftige Natur, also ein Vermögen, als Zweck an sich selbst bezeichnet, andererseits das je singuläre vernünftige Wesen in seiner Funktion, Gesetzgeber im Reich der Zwecke zu sein.

Reine praktische Vernunft als Gehalt des praktischen Gesetzes

In den Ausführungen zum Zweck an sich selbst als existierendem Zweck wurde die These formuliert, der Gehalt des kategorischen Imperativs könne nur darin bestehen, Handlungen um willen reiner praktischer Rationalität (reiner praktischer Vernunft) zu fordern. Die folgenden Ausführungen werden einige Argumente für diese These entwickeln. Kant beschreibt Autonomie an mehreren Stellen nicht bloß als Selbstgesetzgebung praktischer Vernunft, sondern als ihre Eigenschaft, sich selbst ein Gesetz zu sein. Diese Beschreibung liefert er unter anderem in der ersten Sektion der GMS III, in der er die berühmte These der analytischen Verbindung von Freiheit und Sittlichkeit präsentiert. Die erste Sektion beginnt mit einer Definition des Willens, gefolgt von einer Definition der Freiheit:

Воля есть род причинности живых существ, поскольку они разумны, а свобода была бы таким свойством этой причинности, когда бы последняя могла действовать независимо от посторонних определяющих ее причин, тогда как природная необходимость была бы свойством причинности лишенных разума существ определяться к деятельности влиянием посторонних причин (AA 04, S. 446; Кант, 1997а, с. 221).

Если всерьез отнестись к предложенному Кантом определению свободы, следует сказать, что свободно выполняемые действия есть такие действия, которые выполняются в соответствии с *собственными, имманентными*, а не «посторонними определяющими» причинами. Отсюда возникает вопрос, как можно определить «имманентную» причину. Как известно, Кант противопоставляет негативному понятию свободы, содержащемуся в процитированном выше определении (свобода как *отсутствие* посторонних причин), позитивное понятие свободы воли как *автономии*, сформулированное в уже упомянутом фрагменте о саморефлексивности: «...чем же другим может быть свобода воли, если не автономией, т.е. свойством воли *быть* самой для себя законом?» (AA 04, S. 446–447; Кант, 1997а, с. 223; курсив мой. — Р.П.). Если воля *есть* закон для самой себя и если она в то же время *дает* себе закон, тогда закон, который воля себе дает, должен быть не чем иным, как самой волей¹⁴. Практическое *правило*, то есть закон, есть воля — но что это означает? Если мы перенесем наш взгляд со свойства закона как правила на его содержание и станем говорить не о воле, а о чистом практическом разуме или практической рациональности, нам откроется уже знакомая интерпретация автономии воли: закон автономного практического разума требует действия, причем действия исключительно ради чистой практической рациональности¹⁵. Мысль о том, что чистая практическая рациональность является содержанием практического закона, объясняет и явно риторический вопрос Канта в приме-

¹⁴ Об идентичности свободы и нравственности см.: (Schönecker, 2011, S. 35–39; Allison, 1990, p. 201–210).

¹⁵ Ср.: «Так, мысль о законе не есть мысль об одном законе из многих, но только мысль о законности или форме разумной общности как таковой» (Stolzenberg, 1988, S. 184). Согласно толкованию Ю. Штольценберга, самореференциальный аспект чистой и автономной воли состоит в том, что она «делает лишь свою собственную, составляющую ее существенную характерную особенность рациональность своим собственным определяющим основанием» (Stolzenberg, 2018b, S. 564–565). См. также: (Stolzenberg, 2018a, S. 52–54; Porcheddu, 2019, S. 21–26).

Der *Wille* ist eine Art von Causalität lebender Wesen, so fern sie vernünftig sind, und *Freiheit* würde diejenige Eigenschaft dieser Causalität sein, da sie unabhängig von fremden sie *bestimmenden* Ursachen wirkend sein kann: so wie *Naturnothwendigkeit* die Eigenschaft der Causalität aller vernunftlosen Wesen, durch den Einfluß fremder Ursachen zur Thätigkeit bestimmt zu werden (GMS, AA 04, S. 446₀₇₋₁₂).

Ниммт man Kant in dieser Bestimmung des Begriffs der Freiheit ernst, muss man sagen, dass freie Vollzüge solche sind, die sich nach *eigenen, immanenten* Ursachen vollziehen, die eben keine „fremden [...] bestimmenden“ Ursachen sind. Es stellt sich folglich die Frage, wie eine solche ‚immanente‘ Ursache bestimmt werden kann. Nun stellt Kant dem in der Definition formulierten genannten negativen Freiheitsbegriff (Freiheit als *Fehlen* fremder Ursachen) bekanntlich einen positiven Freiheitsbegriff gegenüber, nämlich denjenigen der Freiheit des Willens als *Autonomie*, und zwar in der erwähnten selbstreflexiven Formulierung: „[...] was kann denn wohl die Freiheit des Willens sonst sein als Autonomie, d. i. die Eigenschaft des Willens, sich selbst ein Gesetz zu sein?“ (Hv. v. R. P.) (GMS, AA 04, S. 446₂₄–447₀₂). Ist der Wille sich selbst ein Gesetz, und *gibt* er sich dieses zugleich, muss das durch den Willen sich selbst gegebene Gesetz der Wille selbst sein.¹⁴ Was soll es aber heißen, das eine praktische *Regel*, das Gesetz also, der Wille ist? Lenken wir das Augenmerk vom Regelaspekt des Gesetzes weg und zu seinem Gehalt und sprechen wir anstatt vom Willen von der reinen praktischen Vernunft oder reinen praktischen Rationalität, wird der Blick auf eine Deutung der Autonomie des Willens frei, die uns bereits begegnet ist: Das Gesetz der autonomen praktischen Vernunft fordert ein Handeln aus und um willen bloßer, reiner praktischer Rationalität.¹⁵ In dem Sinne, dass reine praktische Rationalität der Gehalt des praktischen Gesetzes ist, muss auch die von Kant offensichtlich rhetorisch gemeinte Frage in der Anmerkung zum § 6 der

¹⁴ Vgl. zur Identität von Freiheit und Sittlichkeit: Schönecker (2011, S. 35-39) und Allison (1990, p. 201-210).

¹⁵ Vgl. hierzu Stolzenberg (1988, S. 184): „So ist der Gedanke von einem Gesetz nicht der Gedanke von einem Gesetz unter anderen, sondern nur der Gedanke der Gesetzlichkeit oder der Form vernünftiger Allgemeinheit als solcher.“ Den Aspekt der Selbstreferentialität des reinen und autonomen Willens fasst Jürgen Stolzenberg (2018b, S. 564-565) dabei so, dass dieser „nur seine eigene, ihm wesentlich charakterisierende Rationalität zu seinem eigenen Bestimmungsgrund macht.“ Vgl. auch Stolzenberg (2018a, S. 52-54) und Porcheddu (2019, S. 21-26).

чании к § 6 «Критики практического разума», касающемся свободы и безусловного практического закона: «...различны ли они также на самом деле и не вернее ли сказать, что безусловный закон есть просто самосознание чистого практического разума...» (AA 05, S. 29; Кант, 1997б, с. 347).

Если практический закон есть самосознание чистого практического разума, тогда он, поскольку речь идет о самосознании, служит и его предметом, а значит, и содержанием закона. Таким образом, чистый практический разум представляет себя, как он есть, в форме нравственного закона. Это представление не является чисто теоретическим, но являет собой *уважение*, то есть представление о чем-то обладающем абсолютной ценностью, по этой причине всегда связанное и с потенциальной мотивацией действия (см.: AA 04, S. 402, Anm.; Кант, 1997а, с. 83, 85; AA 05, S. 76; Кант, 1997б, с. 477). Можно уточнить этот тезис с помощью систематического размышления, исходной точкой которого служит фрагмент из примечания к § 4 «Критики практического разума». В нем Кант развивает любопытный аргумент против блаженства как предмета практического закона:

Практический закон, признаваемый мной в качестве такового, должен быть годен для всеобщего законодательства; это суждение тождества, и, следовательно, оно само по себе ясно. Но если я говорю: моя воля подчинена практическому закону, то я не могу сбываться на свою склонность... как на определяющее основание, подходящее для всеобщего практического закона; в самом деле... эта склонность... в форме общего закона... скорее должна уничтожить себя (AA 05, S. 27–28; Кант, 1997б, с. 341–343).

Особого внимания заслуживает аргумент, приведенный в пользу этого утверждения:

В самом деле, так как обычно всеобщий закон природы приводит все к согласию, то здесь, если бы кто-то пожелал придать максиме всеобщность закона, возникла бы крайняя противоположность согласию, самое худшее противоречие и полное уничтожение самой максимы и ее целей. Действительно, воля всех не имеет в этом случае одного и того же объекта, но каждый имеет свой объект... (AA 05, S. 28; Кант, 1997б, с. 343).

Из стремления к блаженству нельзя вывести категорический императив, поскольку это стремление не может быть основанием *систематического*

Kritik der praktischen Vernunft verstanden werden, ob „Freiheit und unbedingtes praktisches Gesetz [...] auch in der That verschieden seien, und nicht vielmehr ein unbedingtes Gesetz bloß das Selbstbewußtsein einer reinen praktischen Vernunft [...]“ (KpV, AA 05, S. 29²⁴⁻²⁸).

Ist das praktische Gesetz das Selbstbewusstsein einer reinen praktischen Vernunft, ist es auch, da es sich um *Selbstbewusstsein* handelt, ihr Gegenstand und damit Gehalt des Gesetzes. Reine praktische Vernunft stellt sich in Gestalt des Sittengesetzes also als das, was sie ist, selbst vor. Diese Vorstellung ist aber keine bloß theoretische, sondern *Achtung*, also die Vorstellung von etwas mit absolutem Wert, welche Vorstellung deshalb zugleich immer mit einer potentiellen Handlungsmotivation verbunden ist (Vgl. GMS, AA 04, S. 402 Anm.; KpV, AA 05, S. 76⁰⁴⁻⁰⁸). Das kann durch eine systematische Überlegung im Ausgang von einer Stelle der Anmerkung zum vierten Paragraphen der *Kritik der praktischen Vernunft* präzisiert werden. Dort entwickelt Kant ein aufschlussreiches Argument gegen Glückseligkeit als Gegenstand eines praktischen Gesetzes:

Ein praktisches Gesetz, was ich dafür erkenne, muß sich zur allgemeinen Gesetzgebung qualificiren; dies ist ein identischer Satz und also für sich klar. Sage ich nun: mein Wille steht unter einem praktischen Gesetze, so kann ich nicht meine Neigung [...] als den zu einem allgemeinen praktischen Gesetze schicklichen Bestimmungsgrund desselben anführen; denn diese [...] muß [...] vielmehr in der Form eines allgemeinen Gesetzes sich selbst aufreiben (KpV, AA 05, S. 27^{32-28,03}).

Das Argument hierfür ist nun bemerkenswert:

Denn da sonst ein allgemeines Naturgesetz alles einstimmig macht, so würde hier, wenn man der Maxime die Allgemeinheit eines Gesetzes geben wollte, grade das äußerste Widerspiel der Einstimmung, der ärgste Widerstreit und die gänzliche Vernichtung der Maxime selbst und ihrer Absicht erfolgen. Denn der Wille Aller hat alsdann nicht ein und dasselbe Object, sondern ein jeder hat das seinige [...] (KpV, AA 05, S. 28⁰⁷⁻¹³).

Aus dem Streben nach Glückseligkeit lässt sich also deswegen kein kategorischer Imperativ gewinnen, weil dieses kein möglicher Grund einer *systeme-*

порядка максим и вытекающих из него практических положений. Именно такой систематический порядок должен учреждать практический закон. Таким образом, даже если бы мы превратным образом ограничили область действия потенциального практического закона чувственно-разумными существами, стремление к блаженству не могло бы быть его предметом, поскольку из такого предмета выводились бы максимы, находящиеся в «худшем противоречии» друг к другу и, следовательно, не составляющие системы. Это объясняется тем, что содержание понятия счастья допускает совершенно различные и даже противоречащие друг другу интерпретации. Решение, предложенное Кантом для проблемы такой системы, которая должна производиться практическим законом, оказывается в этом свете столь же простым, сколь и блестящим: *система* всего воления может гарантированно существовать, только если вытекающие из нее положения, то есть в нашем случае максимы, сами формируют фундамент системы и тем самым способны стать законами. Каждый, кто делает практический закон определяющим основанием собственной воли, по необходимости действует ради мыслимой законности собственных максим. Решающим в данном контексте является то, что вытекающее из практического закона требование возможности универсализации максим следует из особенности этого закона быть принципом *системы* действий. Принимая во внимание первую «Критику», мы можем называть разум способностью к систематизации мира опыта, способностью к подыскиванию «безусловного для обусловленного познания рассудка, чтобы завершить *единство* этого последнего» (А 307 / В 364; Кант, 2006, с. 471; курсив мой. — Р.П.). Тогда *практический* разум является систематизирующей способностью в отношении причинного действия и, тем самым, способностью генерировать систему действий. Поэтому Кант с самого начала понимает закон практического разума, практический закон, как принцип единой и единственной системы действия, из понятия которого вытекает требование возможности универсализации максим как содержания практического закона. А поскольку практический закон, согласно Канту, требует полной, другими словами, последовательной и всесторонней системности всякого действия, он есть не что иное, как понятие чистого практического разума.

matischen Ordnung der Maximen und der daraus folgenden praktischen Sätze ist. Doch eine solche systematische Ordnung muss ein praktisches Gesetz stiften. Selbst, wenn man — widrigerweise — also den Geltungsbereich eines möglichen praktischen Gesetzes auf sinnlich-vernünftige Wesen einschränken würde, könnte das Streben nach Glückseligkeit nicht sein Gegenstand sein. Denn aus diesem Gegenstand ließen sich Maximen gewinnen, die im „ärgsten Widerstreit“ zueinander stünden und folglich kein System bilden könnten. Denn der Inhalt des Begriffs des Glücks lässt sehr verschiedene, ja widersprechende Interpretationen zu. Die Lösung, die Kant für das Problem eines durch ein praktisches Gesetz zu generierenden Systems anbietet, ist bei Lichte besehen so einfach, wie brilliant: Ein *System* allen Wollens ist dann gewährleistet, wenn die Folgesätze dieses Systems, also in unserem Fall die Maximen, selbst die Form des Fundaments eines Systems annehmen und damit Gesetze sein können. Jeder, der ein praktisches Gesetz zum Bestimmungsgrund des eigenen Willens macht, handelt also notwendig um willen der denkbaren Gesetzlichkeit der eigenen Maximen. Die aus dem praktischen Gesetz entspringende Forderung nach Universalisierbarkeit der Maximen ergibt sich also, das ist entscheidend, aus der Eigenschaft eines praktischen Gesetzes, Prinzip eines Handlungs-Systems zu sein. Nun kann mit Blick auf die erste *Kritik* Vernunft als Vermögen der Systematisierung der Erfahrungswelt angesprochen werden, als Vermögen „zu dem bedingten Erkenntnis des Verstandes das unbedingte zu finden, womit die *Einheit* desselben vollendet wird“ (Hv. v. R. P.) (*KrV*, A 307 / B 364). *Praktische* Vernunft wäre dann dieses systematisierende Vermögen in Bezug auf kausales Handeln und damit das Vermögen, ein Handlungssystem zu generieren. Deswegen begreift Kant das Gesetz der praktischen Vernunft, das praktische Gesetz, von vornherein als Prinzip eines, des einzigen, Handlungssystems, aus dessen Begriff dann die Forderung nach der Universalisierbarkeit der Maximen als dem Gehalt des praktischen Gesetzes folgt. Da also das praktische Gesetz seinem (kantischen) Begriff nach nichts anderes fordert als die vollständige, man könnte auch sagen, konsequente und allseitige Systematizität allen Handelns, ist es nichts anderes, als der Begriff reiner praktischer Vernunft.

Итак, подытожим три приведенных нами аргумента в пользу понимания практического разума как содержания практического закона:

(а) Кант определяет автономию как данность воли, то есть *чистой* воли, самой себе. В нашей интерпретации это означает, что содержание закона составляет понятие чистого практического разума и что этот закон требует действия, исходящего из представления о чистой практической разумности и совершающегося ради нее.

(б) Во второй «Критике» Кант прямо называет практический закон самосознанием чистого практического разума. По меньшей мере, это должно также подразумевать, что закон служит выражением чистого практического разума.

(в) Идея практической законности как таковая подразумевает, что подобный закон должен быть принципом практической системы и, следовательно, требовать действий, реализующих практическую систему. Принимая в расчет чисто формальный характер практического закона и то обстоятельство, что разум изначально является способностью к систематизации, практический закон должен требовать и выражать не что иное, как чистую практическую разумность. Во всех трех случаях мысль о чистом практическом разуме как содержании практического закона явно связана с мыслью о саморефлексивности чистого практического разума. Адресатом закона служит практический разум. Если же последний определяется практическим законом, он становится *чистым* практическим разумом¹⁶.

Список литературы

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч. на рус. и нем. яз. М.: Московский философский фонд, 1997а. Т. 3. С. 38–275.

Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. на рус. и нем. яз. М.: Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 276–733.

Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч. на рус. и нем. яз. М.: Наука, 2001. Т. 4. С. 68–957.

Кант И. Критика чистого разума (В) // Кант И. Соч. на рус. и нем. яз. М.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2: Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 5, ч. 2 / под ред. А.А. Гусейнова, А.К. Судакова. М.: Канон+, 2019. С. 13–261.

¹⁶ В этой связи следует (правда, лишь кратко) отметить различие между как минимум двумя способами отношения к самому себе: (а) тем, что Кант называет самосознанием практического разума и что затрагивает лишь отношение между интеллигибельной свободой и нравственным законом, и (б) реализацией посредством максим в мире опыта. Здесь тоже имеет место (опосредованное) отношение к себе. (Это примечание подсказано мне Юргеном Штольценбергом.)

Führen wir uns abschließend noch einmal die drei angeführten Begründungen für reine praktische Vernunft als Gehalt des praktischen Gesetzes vor Augen:

(а) Kant bestimmt Autonomie als Sich-Selbst-Gesetzsein des Willens, d. h. des *reinen* Willens. Das bedeutet in unserer Deutung, dass das Gesetz den Begriff reiner praktischer Vernunft zum Gehalt hat und ein Handeln aus der Vorstellung und um willen reiner praktischer Vernünftigkeit fordert.

(b) Kant spricht in der zweiten *Kritik expressis verbis* vom praktischen Gesetz als dem Selbstbewusstsein der reinen praktischen Vernunft, was zumindest auch meinen muss, dass das Gesetz reine praktische Vernunft ausdrückt.

(c) Der Gedanke praktischer Gesetzlichkeit *per se* impliziert, dass ein solches Gesetz Prinzip eines praktischen Systems sein muss und folglich Handlungen fordert, die ein praktisches System realisieren. Mit Blick auf die reine Formalität des praktischen Gesetzes und dem Umstand, dass Vernunft genuin nichts anderes ist als das Vermögen der Systematisierung, kann das praktische Gesetz nichts anderes ausdrücken und fordern als reine praktische Vernünftigkeit. In allen drei Fällen wird der Gedanke der reinen praktischen Vernunft als Gehalt des praktischen Gesetzes offenbar mit dem Gedanken der Selbstreflexivität reiner praktischer Vernunft verbunden. Denn der Adressat des Gesetzes ist praktische Vernunft. Diese wird aber, ist sie durch das praktische Gesetz bestimmt, zur *reinen* praktischen Vernunft.¹⁶

Literatur

Allison, H.E., 2011. *Kant's Groundwork for the Metaphysics of Morals. A Commentary*. Oxford: Oxford University Press.

Allison, H.E., 1990. *Kant's Theory of Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dean, R., 2006. *The Value of Humanity in Kant's Moral Theory*. Oxford: Clarendon Press.

¹⁶ Hierbei müssen – das sei nur angedeutet – zumindest zwei Weisen der Selbstbeziehung unterschieden werden: (а) das, was Kant das Selbstbewusstsein einer reinen praktischen Vernunft nennt, das allein das Verhältnis von intelligibler Freiheit und Sittengesetz betrifft, und (b) die Realisierung über Maximen in der Erfahrungswelt. Auch hier liegt ein – vermitteltes – Selbstverhältnis vor. (Diese Anmerkung geht auf eine Anregung von Jürgen Stolzenberg zurück.)

- Allison H.E. *Kant's Groundwork for the Metaphysics of Morals. A Commentary.* Oxford : Oxford University Press, 2011.
- Allison H.E. *Kant's Theory of Freedom.* Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Dean R. *The Value of Humanity in Kant's Moral Theory.* Oxford : Clarendon Press, 2006.
- Euler W. Zweck // *Kant-Lexikon* / hrsg. von M. Willaschek, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. Bd. 3. S. 2745–2753.
- Euler W., Porcheddu R. Zweck an sich // *Kant-Lexikon* / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. Bd. 3. S. 2753–2755.
- Glasgow J. Kant's Conception of Humanity // *Journal of the History of Philosophy.* 2007. Vol. 2. P. 291–308.
- Guyer P. *Kant's "Groundwork for the Metaphysics of Morals". A Reader' Guide.* N.Y. : Bloomsbury, 2007.
- Korsgaard C. Kant's Formula of Humanity // *Kant-Studien.* 1986. Bd. 77. S. 183–202.
- Porcheddu R. Der Begriff des Zwecks an sich selbst in Kants "Grundlegung zur Metaphysik der Sitten". Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2016.
- Porcheddu R. Der kategorische Imperativ als regulatives Prinzip. Eine Versuchsskizze // *Übergänge in der klassischen deutschen Philosophie* / hrsg. von J. Karásek, L. Kollert, T. Matějčková. Paderborn : Wilhelm Fink, 2019. S. 3–27.
- Schönecker D. *Kant : Grundlegung III. Die Deduktion des kategorischen Imperativs.* Freiburg ; München : Karl Alber, 1999.
- Schönecker D. *Kants Grundlegung über den bösen Willen. Eine kommentarische Interpretation von GMS 457₂₅ – 458₅.* // *Studii Kantiani.* 2011. Vol. 24. S. 35–53.
- Schönecker D., Schmidt E.E. *Kant's Ground-thesis. On Dignity and Value in the Groundwork* // *The Journal of Value Inquiry.* 2018. Vol. 52. P. 81–95.
- Sensen O. *Kants Conception of Inner Value* // *European Journal of Philosophy.* 2011. Vol. 19, № 2. P. 262–280. doi : 10.1111/j.1468-0378.2009.00385.x.
- Steigleder K. *Kants Moralphilosophie. Die Selbstbezüglichkeit reiner praktischer Vernunft.* Stuttgart : J.B. Metzler, 2002.
- Stolzenberg J. *Das Selbstbewusstsein einer reinen praktischen Vernunft. Zu den Grundlagen von Kants und Fichtes Theorie sittlichen Bewusstseins* // *Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegel-Kongress 1987* / hrsg. von D. Henrich, R.-P. Horstmann. Stuttgart : Klett-Cotta, 1988. S. 181–208.
- Stolzenberg J. *Kants Freiheitstheorie und Fichtes Theorie des Verhältnisses von Absolutem und seiner Erscheinung in der späten Wissenschaftslehre* // *Systemkonzeptionen im Horizont des Theismusstreites (1811–1821)* / hrsg. von Ch. Danz, J. Stolzenberg, V.L. Waibel. Hamburg : Meiner, 2018a. S. 51–70.
- Stolzenberg J. *Die Natur der Freiheit. Kant und Fichte* // *Natur und Freiheit. Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses* / hrsg. von V.L. Waibel, M. Ruffing, D. Wagner. Berlin ; Boston : De Gruyter 2018b. S. 563–576.
- Wood A. *Kant's Ethical Thought.* Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
- Euler, W., 2015. Zweck. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr und S. Bacin, Hg. 2015. *Kant-Lexikon, Band 3.* Berlin und Boston: De Gruyter, S. 2745-2753.
- Euler, W. und Porcheddu, R., 2015. Zweck an sich. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr und S. Bacin, Hg. 2015. *Kant-Lexikon, Band 3.* Berlin und Boston: De Gruyter, S. 2753-2755.
- Glasgow, J., 2007. Kant's Conception of Humanity. *Journal of the History of Philosophy*, 2, pp. 291-308.
- Guyer, P., 2007. *Kant's Groundwork for the Metaphysics of Morals.* New York: Bloomsbury.
- Korsgaard, C., 1986. Kant's Formula of Humanity. *Kant-Studien*, 77, S. 183-202.
- Porcheddu, R., 2016. *Der Begriff des Zwecks an sich selbst in Kants „Grundlegung zur Metaphysik der Sitten“.* Berlin und New York: De Gruyter.
- Porcheddu, R., 2019. Der kategorische Imperativ als regulatives Prinzip. Eine Versuchsskizze. In: J. Karásek, L. Kollert und T. Matejckova, Hg. 2019. *Übergänge in der klassischen deutschen Philosophie.* Paderborn: Wilhelm Fink, S. 3-27.
- Schönecker, D., 1999. *Kant: Grundlegung III. Die Deduktion des kategorischen Imperativs.* Freiburg und München: Karl Alber.
- Schönecker, D., 2011. *Kants Grundlegung über den bösen Willen. Eine kommentarische Interpretation von GMS 457₂₅-458₅.* *Studii Kantiani*, 24, S. 35-53.
- Schönecker, D. und Schmidt, E.E., 2018. *Kant's Ground-thesis. On Dignity and Value in the Groundwork.* *The Journal of Value Inquiry*, 52, S. 81-95.
- Sensen, O., 2011. *Kant's Conception of Inner Value.* *European Journal of Philosophy*, 19(2), pp. 262-280. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0378.2009.00385.x>
- Steigleder, K., 2002. *Kants Moralphilosophie. Die Selbstbezüglichkeit reiner praktischer Vernunft.* Stuttgart: Metzler.
- Stolzenberg, J., 1988. *Das Selbstbewusstsein einer reinen praktischen Vernunft. Zu den Grundlagen von Kants und Fichtes Theorie sittlichen Bewusstseins.* In: D. Henrich und R.-P. Horstmann, Hg. 1988. *Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegel-Kongress 1987.* Stuttgart: Klett-Cotta, S. 181-208.
- Stolzenberg, J., 2018a. *Kants Freiheitstheorie und Fichtes Theorie des Verhältnisses von Absolutem und seiner Erscheinung in der späten Wissenschaftslehre.* In: Ch. Danz, J. Stolzenberg und V. Waibel, Hg. 2018. *Systemkonzeptionen im Horizont des Theismusstreites (1811–1821).* Hamburg: Meiner, S. 51-70.
- Stolzenberg, J., 2018b. *Die Natur der Freiheit. Kant und Fichte.* In: V.L. Waibel, M. Ruffing und D. Wagner, Hg. 2018. *Natur und Freiheit: Akten Des XII. Internationalen Kant-Kongresses, Band 1.* Berlin und Boston: De Gruyter, S. 563-576.
- Wood, A., 1999. *Kant's Ethical Thought.* Cambridge: Cambridge University Press.

Об авторе

Рокко Поркедду, доктор философии, Зигенский университет, Зиген, Германия.

E-mail: rporcheddu@yahoo.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1923-8671>

О переводчике

Алексей Геннадьевич Жаворонков, кандидат филологических наук, Институт философии РАН, Москва; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AZHavoronkov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8362-1782>

Для цитирования:

Поркедду Р. Абсолютная ценность в «Основоположении к метафизике нравов» Канта // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 1. С. 7–30. doi: 10.5922/0207-6918-2020-1-1.

The author

Dr Rocco Porcheddu, University of Siegen, Germany.

E-mail: rporcheddu@yahoo.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1923-8671>

To cite this article:

Porcheddu, R., 2020. Absoluter Wert in Kants *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. *Kantian Journal*, 39(1), pp. 7-30. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2020-1-1>.